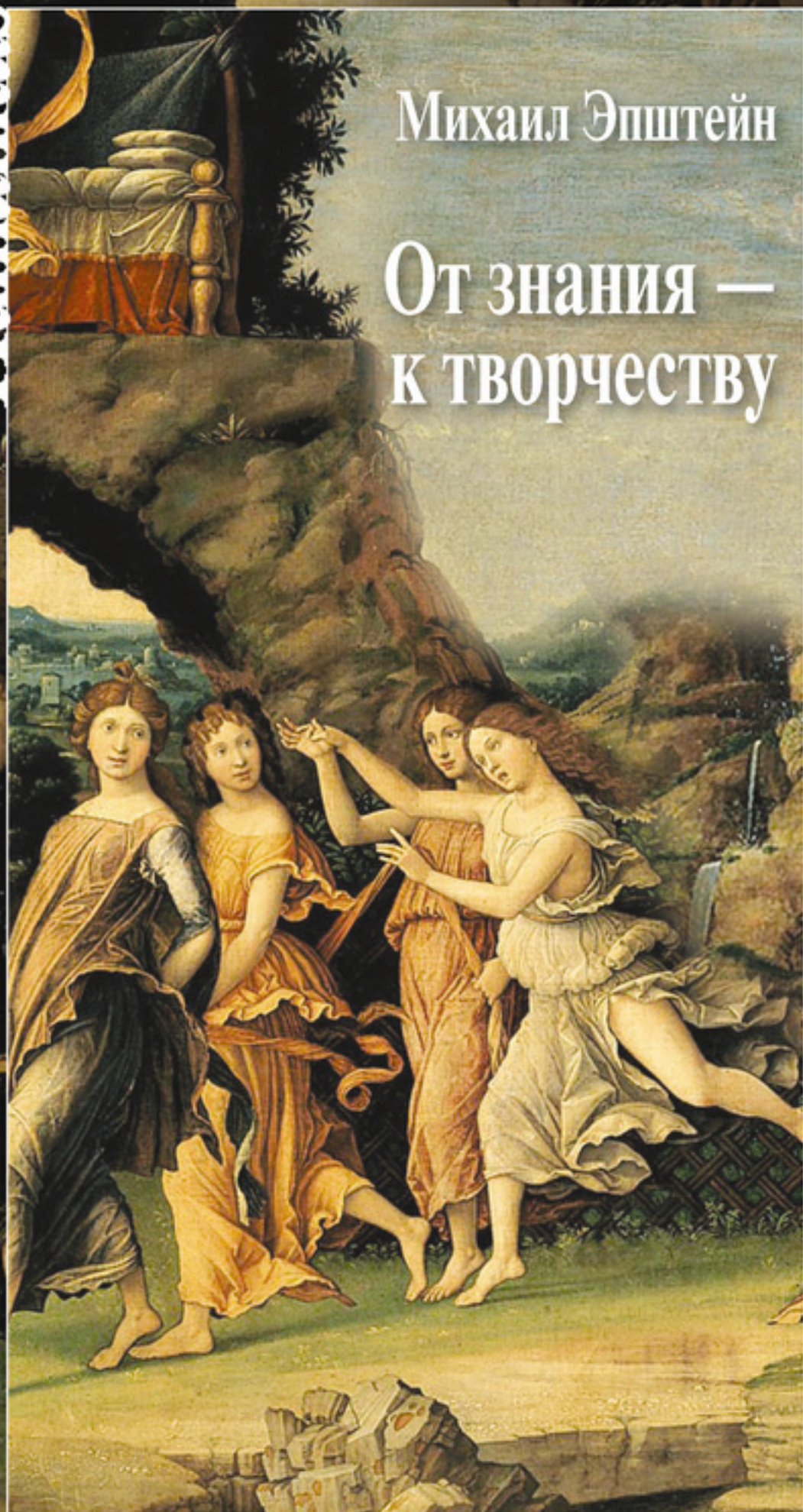

Humanitas

Михаил Эпштейн

От знания —
к творчеству

Humanitas

Михаил Эпштейн

**От знания – к творчеству.
Как гуманитарные науки
могут изменять мир**

«ЦГИ Принт»

2016

УДК 130.1
ББК 71

Эпштейн М. Н.

От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн — «ЦГИ Принт», 2016 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-601-1

М.Н. Эпштейн – известный филолог и философ, профессор теории культуры (университет Эмори, США). Эта книга – итог его многолетней междисциплинарной работы, в том числе как руководителя Центра гуманитарных инноваций (Даремский университет, Великобритания). Задача книги – наметить выход из кризиса гуманитарных наук, преодолеть их изоляцию в современном обществе, интегрировать в духовное и научно-техническое развитие человечества. В книге рассматриваются пути гуманитарного изобретательства, научного воображения, творческих инноваций. Основные разделы посвящены становлению гуманитарных технологий в области философии, культурологии, лингвистики, литературоведения, а также взаимодействию гуманистики и техники. Книга адресована не только гуманитариям, но всем, кого интересуют проблемы интеллектуального творчества. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 130.1
ББК 71

ISBN 978-5-98712-601-1

© Эпштейн М. Н., 2016
© ЦГИ Принт, 2016

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1	12
Что такое гуманистика?	12
Кризис гуманитарных наук	14
От наук – к практикам. Гуманитарные технологии	17
Гуманитарное изобретательство	19
Пути инновации	25
Раздел 2	33
Масса знания, энергия мысли	33
Структура творческого акта	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Эпштейн

От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир

Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии Российской академии наук Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденоко, И.Л. Галинская, В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов, Д.В. Ефременко, Г.И. Зверева, В.К. Кантор, А.Н. Кожановский, И. В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л. А. Микешина, Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Научный редактор: И.И. Ремезова
Серийное оформление: П.П. Ефремов

В оформлении книги использованы фрагменты картины Андреа Мантенья «Парнас» (1497)

Предисловие

1.

Незадолго до смерти, представляя новую версию айпада, Стив Джобс сказал с нескрываемым и глубоко оправданным пафосом: «Одной только технологии недостаточно – этот постулат записан в генах компании «Apple». Наша технология повенчана со свободными искусстваами, с гуманитарными науками, отсюда и результат, который побуждает петь наши сердца»¹.

Действительно, гуманитарная составляющая очень сильна в самых захватывающих достижениях современной цивилизации. Те из них, которые оказывают наибольшее воздействие на человеческую жизнь, с самого начала несут в себе какую-то гуманитарную идею: эстетическую, этическую, психологическую... Вспомним, что Марк Цукерберг, создатель социальной сети Фейсбук, уже почти всепланетной (1,5 миллиарда пользователей), в школе изучал древнегреческий, а в Гарварде специализировался по психологии. Собственно и Фейсбук был поначалу задуман как своего рода психологический эксперимент, отбор наиболее впечатляющих лиц по фотографиям студентов Гарварда. По словам Цукерберга, «Фейсбук – это психология и социология в той же мере, что и технология»². Вот пример срастания трех ветвей знания в одном из самых успешных начинаний современной цивилизации.

И все-таки не случайно, что достижения таких гигантов, как «Apple» и Facebook, воспринимаются прежде всего как технические. Дело не только в том, что они исчисляемы в цифровых параметрах, в единицах скорости, мощности, популярности, стоимости, финансовых вложений, биржевых акций и т. д. Инициатива этих свершений цивилизации исходит от научно-технических дисциплин и компаний, которые привлекают к сотрудничеству гуманитариев.

Сами же гуманитарные науки никаких инициатив, имеющих столь же широкий цивилизационный потенциал, не выдвигают и вообще не проявляют значимого интереса к практическим результатам своих исследований.

Представим себе, что есть физика, химия, биология, другие фундаментальные науки, – но нет технологий, на них основанных. Нет автомобилей и самолетов. Нет агрономии. Нет инженерных и конструкторских профессий. Только изучение природы, но не трансформация ее.

В таком положении находятся сейчас гуманитарные науки. Они изучают человека и все области культурной деятельности, но при этом сами остаются пассивными, поскольку у них нет своих технологий. Они изучают творчество, но сами ничего не творят. Изучая языки, лингвистика не правомочна предложить какие-то изменения в их лексико-грамматических системах. Изучая литературу, литературоведение не ставит задачей повлиять на ее развитие. Философия спорит о первопринципах и универсалиях существующего мира, но не предлагает новых принципов для построения альтернативных миров.

Между тем гигантское развитие электронных сетей, хранилищ культурной и научной информации, открывает простор именно конструктивному мышлению. Исследовательский, собственно познавательный труд гуманитарных наук облегчается и ускоряется Интернетом. То, на что раньше исследователям приходилось тратить годы, перерывая груды библиотечного, архивного, описательно-исторического, изобразительного материала, теперь делается в течение нескольких дней. Например, замечательный филолог М.Л. Гаспаров всю жизнь «вручную»

¹ «It's technology married with liberal arts, married with the humanities, that yields us the result that makes our hearts sing». Стив Джобс цитируется по: *Carmody T.*, «Without Jobs as CEO, Who speaks for the Arts at Apple?» *Wired*. Aug. 29, 2011.

² *Chase L.* Mark Zuckerberg Speaks at BYU // *Desert News*. March 25, 2011.

высчитывал ритмику стихосложения у сотен поэтов; теперь это можно поручить компьютерной программе.

Что же остается гуманитариям? Он становится творцом или со-творцом тех человеческих миров, которые изучает, – и одновременно перестраивает, перекодирует, усложняет их в процессе такого активного изучения. Соотношение изобретательского и исследовательского все больше меняется в пользу изобретения, и в этом огромную роль играет Интернет, делающий информацию доступной быстрой переработке.

Эта книга – опыт конструктивного гуманитарного мышления на самых разных уровнях: от микроуровня языка, то есть создания новых лексических единиц, – до построения новых дисциплин, концептуальных систем, методов и жанров интеллектуального творчества. Одна из возможностей, предлагаемых проективной гуманистикой, – порождение новых явлений культуры на основе ее исследования, т. е. переход анализа в синтез. Так, в главе о лингвистике рассматривается ее роль в развитии языка, в том числе в синтезе новых слов, терминов, понятий. В главе об афористике исследуется структура кратких изречений – и по найденной модели создаются новые афоризмы, демонстрирующие ее действенность. Проективная, или порождающая лингвистика, поэтика, филология, философия, т. е. создание новых форм культуры на основе их анализа, – таков один из путей превращения гуманитарных наук в гуманитарные практики.

Этим же путем идет современное естествознание: закономерности, найденные в ходе исследования клеток, организмов, мозга, используются для построения действующих моделей органических и ментальных процессов и их потенциального расширения, т. е. создания искусственной жизни («синтетическая биология») и искусственного разума. Это гигантский шаг на пути человечества, которое, выходя из царства природы, начинает само определять пути своей эволюции.

Но для гуманитариев такой способ синтеза на основе анализа все еще остается непривычным. Часто встречается возражение: как можно искусственно создавать новые слова, понятия, жанры, дисциплины? Разве не должны они складываться естественным путем, в ходе долгой исторической эволюции? – Ответ прост: культура сама по себе искусственна, сверхприродна. Все, что в ней создается, исходит от воли и сознания человека. Как говорил К. Маркс, даже самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что сначала имеет план здания в голове. Многие художественные и литературные движения XVIII–XX веков, такие, как романтизм, символизм, футуризм, сюрреализм, «новый роман», возникли на основе теоретических проектов. Любое новое слово возникает в сознании и речи индивида, а затем уже принимается или отторгается языковым сообществом. Народ как единое целое не может сам ничего написать или произнести, у него нет руки или рта. Почему же за гуманитариями, филологами, философами отрицается право участвовать в процессах созидания языка и культуры?

Чтобы пережить тот кризис, о котором говорится в первом разделе книги, гуманитарным наукам необходимо пройти через глубокую реформацию и заново осмыслить свои цели. Как известно, благодаря протестантизму вера перестала восприниматься как церковная институция и стала актом прямого обращения индивида к Богу. На место знания догматов и исполнения ритуалов пришло творческое обновление веры духовными усилиями и личным опытом верующих. Впоследствии подобная реформация произошла и в философии – под именем «коперниковского переворота», совершенного И. Кантом. Он ограничил возможности теоретического знания в пользу практического разума, который определяет цели человеческих действий, исходящих из «нравственного закона в сердце». Конструктивная деятельность разума вырвалась за пределы того, что может считаться «объективной истиной». Философы осознали, что объяснять мир недостаточно или даже невозможно – задача в том, чтобы разными способами его изменять. Соответственно развернулась революция в естественных науках, которые

опираются на могущество техники, преобразующей мир, – и сами способствуют такому преобразованию.

Конструктивная составляющая возрастает в методологии естественных и общественных наук, но в гуманитарных она пока еще воспринимается как «ересь» и встречает сопротивление консервативных умов, для которых наука – это только накопление знаний, собирание документов и истолкование текстов. Величайший парадокс гуманитарных наук состоит том, что, исследуя творческий потенциал культуры, они в наименьшей степени реализуют этот потенциал в своей собственной деятельности. Описание и объяснение фактов доминирует над конструктивным самопознанием человека и задачами его духовного обновления.

2.

Гуманитарное творчество начинается с понимания. По словам М. Бахтина, «понимание восполняет текст, оно активно и носит творческий характер. Творческое понимание продолжает творчество, умножает художественное богатство человечества»³. Но понимание – это лишь первый шаг к созданию новых текстов, идей, мировоззрений. Гуманистика – это не только научное познание. В названии главных гуманитарных наук, *философии* и *филологии*, лежит понятие *филии*: любовь к мудрости, любовь к слову.

Любовь как способ понимания и является той нитью Ариадны, которая может провести нас через любой методологический лабиринт. Это *филогнозис*, познание любовью. Если мы изучаем язык или поэзию, потому что любим их, то любовь эта сама задает методы нашей познавательной деятельности. Как во всякой любви, мы хотим все знать о любимом, мы наблюдаем его привычки, склонности, свойства характера, разыскиваем свидетельства о нем, пытаемся его понять. Но главное в любви, как писал еще Платон в «Пире», – это желание родить с тем, кого любишь⁴. Если ты по-настоящему любишь язык, тебе хочется не просто изучать его, но производить с ним и от него новые слова, выразительные лексические и грамматические образования. Если литературовед любит литературу, он стремится не просто ее изучать, но открывать в ней зародыши новых жанров, приемов, течений. Если философа волнует устройство мира, он не может не задуматься о возможности иных миров.

Я называю такую методологию «концептивизм». Латинское «*conception*» – это и концепция, и зачатие. Мыслить концептивно – значит зачинать от предмета своей любви, не просто изучать культуру, но создавать нечто новое в процессе изучения. Многие современные методологии по сути «контрацептивны», поскольку направлены лишь на критику текстов и авторов. Критицизм обусловлен представлением о редкости, онтологической бедности мира: что-то в нем заслуживает уничтожения, а на место неправильного нужно насадить правильное. Методология критицизма, ревности, разоблачения тоже может быть связана с любовью, но несчастной, подозрительной.

Концептивизм – это конструктивное мышление, которое рядом с данным явлением культуры – и благодаря ему – обнаруживает множество лакун, вакансий, подлежащих заполнению. Концептивизм – умножение мыслимых объектов путем создания их альтернатив, вариаций, соперничающих моделей. Всё написанное содержит потенциал ненаписанного. Каждая теория, понятие, термин отбрасывает некую тень, которая при иных условиях освещения могла бы выступить как самостоятельный, первичный объект мышления.

³ Бахтин М. Из записей 1970–1971 гг. // Бахтин М. Эстетика словесного творчества, М.: Искусство, 1979. С. 346.

⁴ «...Любовь, – заключила она [Диотима], – вовсе не есть стремление к прекрасному, как то тебе, Сократ, кажется. – А что же она такое? – Стремление родить и произвести на свет в прекрасном. <...> Почему именно родить? Да потому, что рождение – это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу». Платон. Пир. <http://www.lib.ru/POEEAST/PLATO/pir.txt>

Деконструкция, методологически преобладавшая в 1980— 2000-е годы в академических кругах, показывает многозначность и вариативность текстов, игру разных смыслов, часто противоречащих тому, что автор имел в виду. Деконструкция читает тексты критически: автор подразумевал одно, а выразилось совсем другое. Концептивизм, наоборот, стремится обозначить весь ансамбль возможных культур, или дисциплин, или концептов, которые вырастают из данного текста. Исследуя какую-то идею, метод, дисциплину, концептивизм спрашивает: а что *со-возможно* им? Почему есть феноменология, наука о явленном, но нет теги-менологии – науки об упаковках, оболочках? Почему есть лингвистика, но нет силентики – науки о способах молчания и умолчания, о паузах? Почему есть множество букв и символов для обозначения разных фонем, но нет знака пробела, «», который указывал бы на тот чистый фон, который делает возможным означивание?

В отличие от деконструкции, концептивизм не просто расшатывает основание какой-то системы понятий, показывает ее зыбкость и относительность, оставляя читателя перед лицом скептического и иронического «ничто», – но разворачивает ряд альтернатив для каждой теории и термина. Не критикует их, а вводит в раздвигающийся ряд понятий, каждое из которых иначе трактует то же самое явление.

Например, среди гуманитарных дисциплин, которые рассматриваются в этой книге:

- рядом с грамматологией, отталкиваясь от нее, возникает *скрипторика*, которая исследует не письмо само по себе, а человека пишущего;
- рядом с антропологией – *техногуманистика* и *экогуманистика*, которые постигают специфику человека как создателя техносреды;
- рядом с экологией – *хоррология*, которая рассматривает механизмы саморазрушения цивилизации и пути ее сохранения;
- рядом с культурологией – *культуроники*, как создание новых культурных ценностей и институций...

Почти каждая глава книги предлагает такие альтернативы существующей системе гуманитарных категорий и дисциплин. Когда-то заботились о *верности* метода, теперь критерием становится *веерность*, широта предложенных альтернатив. Логика, стоящая за концептивизмом, противоположна редукции, которая сводит многообразное к единому. В данном случае, наоборот, одно обнаруживает множественность, отличие от себя, раскладывается на ряд инаковостей. Такой логический прием можно назвать «абдукцией»: это перенесение понятия из того ряда, в котором оно закреплено традицией, в другие, множественные, расходящиеся ряды понятий. Концептивизм продолжает работу деконструкции по «рассеянию» смыслов, но переводит эту работу из критического в конструктивный план и может быть оксюморонно назван «конструктивной деконструкцией».

3.

В этой книге собраны мои работы последних десяти лет, посвященные практическому измерению гуманитарных наук, их творческому воздействию на язык, литературу, мышление, вообще мир человека. Здесь развивается проблематика моих предыдущих книг: «Философия возможного» (СПб.: Алетейя, 2001), «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (М.: НЛЮ, 2004) и «The Transformative Humanities: A Manifesto» (New York; London: Bloomsbury Academic, 2012). В этой книге выдвигаются новые проблемные сферы и более конкретно и системно осваиваются те территории, границы которых очерчивались раньше пунктирно:

- Преобразовательный потенциал философии, культурологии, лингвистики, литературоведения.
- Формирование новых гуманитарных дисциплин.
- Взаимодействие гуманитарного и научно-технического сознания.
- Методы и жанры интеллектуального творчества.

Как воздействуют гуманитарные науки на те области культуры, которые они изучают? Например, как языкознание влияет на развитие языка? Как изучение определенных текстов и жанров может прокладывать новые пути литературному творчеству? Как философия может воздействовать на наши чувства, поступки и на создание новых (альтернативных, параллельных) миров? В таком понимании теория не просто исследует, но и проектирует свой предмет, подобно тому, как теоретические манифесты формировали целые литературно-художественные направления, от классицизма до постмодерна.

В книге восемь разделов, последовательно раскрывающих творческий потенциал гуманитарных наук.

Первый раздел обсуждает эту проблематику в контексте кризиса гуманитарных наук – и необходимости их радикального обновления, создания практической надстройки над теоретическим знанием. Речь идет о новом статусе гуманитарных технологий, об изобретательской деятельности в культуре и ее институциональном закреплении в университетских программах и на кафедрах творческого мышления.

Второй раздел рассматривает специфику гуманитарного творчества и изобретательства, методы создания новых идей в сфере лингвистики, культурологии, философии и других дисциплин. Как соотносятся знание и мышление, информация и трансформация? Каковы элементарные единицы интеллектуального воображения и как оно прокладывает свой путь через ошибки и аномалии в область системного творчества?

Третий раздел посвящен взаимодействию гуманитарного и научно-технического сознания и тем новым дисциплинам, которые возникают на их перекрестке, таким как «техногуманистика», исследующая Номо Technicus (человека как создателя и создание техники), и «хоррология» – наука о самодеструктивных элементах цивилизации, об обратной стороне технического прогресса.

Далее рассматриваются основные дисциплинарные области гуманитарных наук и пути их обновления: культура, философия, язык, литература.

Четвертый раздел раскрывает динамику культурных процессов, выводящих за пределы «первичных» идентичностей – национальных, гендерных, религиозных, социальных, профессиональных, возрастных – в пространство *транскультуры*, и ту роль, которую играет в этом освободительном процессе культурологическое сознание. Тема раздела – вочеловечение, построение нового культурного универсума, охватывающего все человечество.

Пятый раздел обращается к философии как к дисциплине, организующей не только интеллектуальную, но и эмоциональную и практическую жизнь человека. Философские чувства и действия, направленные на мир в целом, на бытие как таковое, придают конструктивную устремленность философии. Рассматриваются возможности синтеза философии и новейших технологий, способных менять коренные условия человеческого бытия и предлагать практические решения основных философских вопросов. Меняется и отношение философии к языку: анализ языка переходит в синтез, в творчество новых концептов.

Шестой раздел исследует роль лингвистики в развитии языка, в расширении его лексической и грамматической системы. Одна из задач лингвистики – осмыслить те творческие сдвиги и аномалии, которыми богата художественная речь, и способствовать их переносу в общезыковое пространство, системному обновлению национального языка. В этом же разделе рассматриваются парадоксальные речевые акты, демонстрирующие разрыв между семантикой

и прагматикой высказывания, и пути языкового творчества на основе варьирования фразовых компонентов, словосочетаний (анафразия).

Седьмой раздел охватывает проблематику текста и литературы, в частности, способы организации знаков в электронном пространстве. Здесь выстраивается новая типология текстуальных формаций: текстоиды, надтексты, синтексты и другие знаковые матрицы, которые трансформируют наше понятие литературы и художественного творчества. Обрисовывается новая дисциплина – скрипторика, которая исследует *Homo Scriptor*, – антропология и персонология письменной деятельности. Рассматривается воздействие поэзии на судьбы цивилизации в виде метафорически насыщенных технических и биотехнических процессов – технопэзии, биопэзии и т. д.

Восьмой раздел посвящен проблемам авторства, интеллектуальной среды и творческой коммуникации в гуманитарных науках. Здесь рассматривается соотношение творчества и общения и рассказывается об опытах коллективных импровизаций, проводившихся в Москве в 1980-е годы. Наряду с коммуникацией, объединяющей разные интеллекты, в гуманитарном творчестве плодотворно и самоотчуждение автора, создающего мир вторичных авторов, «концептуальных персон» («гиперавторство»). Последняя глава раскрывает тот код, систему понятий, которые сам автор считает ключевыми для своей работы.

В Послесловии помещена статья американского литературоведа, слависта Кэрил Эмерсон о путях современной гуманистики, намеченных в работах М. Эпштейна.

Гуманитарные науки – это не просто зеркало, в котором мы видим себя; это «магический кристалл», в котором преломляются возможности человека и множественные варианты будущего. Гуманистика должна быть достойна своего предмета – человека, который есть творец всех наук, но только в гуманитарных познает себя как творца.

* * *

Благодарю мою жену Марианну Тайманову за большую, неоценимую помощь в работе над книгой. Я глубоко признателен профессору Принстонского университета Кэрил Эмерсон за наше многолетнее интеллектуальное общение и за ее превосходную статью, ставшую Послесловием, а также Марине Литвиновой за ее блестящий перевод этой статьи.

Раздел 1

Кризис и инновации. Гуманитарное изобретательство

Что такое гуманистика?

Гуманистика – это совокупность гуманитарных дисциплин, изучающих человека и человечество. Гуманистика охватывает собой философию, культурологию, религиоведение, филологию, лингвистику, литературоведение, искусствознание, отчасти (во взаимодействии с социальными науками) историю, психологию, антропологию, этнографию, когнитивистику, а также ряд других, неконвенциональных дисциплин, например, изучающих метаморфозы человека и человечества под воздействием техносреды.

Гуманистика включает не только гуманитарные науки, но и основанные на них гуманитарные технологии, практики преобразования культуры на основе ее изучения. Термин «гуманистика» предпочтительнее термина «гуманитарные науки» в тех случаях, когда нужно подчеркнуть единство гуманитарной сферы познания, общность гуманитарных подходов в отличие от естественно-научных, общественно-научных, математических, технических и пр.

Гуманистика – это область *самопознания и самосозидания* человека и человечества. О чем бы ни писались гуманитарные сочинения: об эстетике итальянского Возрождения или об эпических сказаниях Древней Индии, о взаимовлиянии романских и германских языков или о кантовской философии времени и пространства, – всюду перед нами предстает образ человека в разных его воплощениях. Мы сопоставляем себя с ними, находим общность и отличия, а значит, глубже познаем себя и одновременно становимся более человечными.

Гуманитарные науки учат:

- понимать и выражать себя;
- понимать других людей и общаться с ними;
- понимать другие культуры и эпохи;
- понимать цели человечества и ход истории;
- сознательно строить свою личность в творческом взаимодействии с другими индивидами и культурами;
- а следовательно, быть человеком в полном смысле слова, достойным представителем человечества.

Гуманитарные дисциплины являются таковыми не потому, что они вообще изучают человека в его разнообразных проявлениях. Физиология, анатомия, медицина, экономика, социология, политология, социально-экономическая история тоже изучают человека, устройство его тела, продукты его деятельности, способы его общественной организации. Но это науки не гуманитарные, а естественные и общественные. Гуманитарность – в тех процессах мышления, творчества, высказывания, межличностных отношений, где человек менее всего определим, где он открыт себе и непостижим для себя. Парадокс *самореференции* стоит в центре гуманитарных наук, определяя сложное соотношение их гуманитарности и научности. Гуманитарные науки изучают самого изучающего, именуют именующего, и именно поэтому в их центре находится разрыв дискурса, «мертвая зона», в которую попадает обращенный на себя взгляд. Непостижимость человека для себя образует трещину в основании гуманитарных наук. Именно то, что делает возможными гуманитарные науки, – способность человека познавать и исследовать себя – ставит под сомнение их научность. Субъект не может полностью познать себя, ибо он изменяется в ходе самопознания, в нем возникает некий конструктивный задел – «ненаучный» остаток гуманитарности.

Вот что пишет о парадоксе самореференции американский философ, математик, один из основателей когнитивистики Даглас Хофштадтер:

«...Как только возможность представлять собственную структуру достигает некоей критической точки, то пиши пропало – это гарантия того, что вы никогда не сможете представить себя полностью. Теорема Гёделя о неполноте, Теорема Чёрча о неразрешимости, Теорема останова Тьюринга, Теорема Тарского об истине – все они чем-то напоминают старинные сказки, предупреждающие читателя о том, что поиск самопознания – это путешествие, которое... обречено быть неполным, не может быть изображено ни на каких картах, никогда не остановится и не сможет быть описано»⁵.

Взаимообратимость субъекта и объекта придает шаткость статусу гуманитарных наук. Проблематичность гуманитарного знания как *самопознания* отозвалась во всей системе научного знания XX века, потрясая основания и самых методологически устойчивых дисциплин, от математики и логики до кибернетики и информатики. Именно на сцене гуманистики разыгрывается трагикомедия homo sapiens, который с античных времен был призван «познать самого себя», а в XX веке уперся в тупик невозможности самопознания. Не противоречит ли *гуманитарность* самому представлению о *научности* как объективном познании, коль скоро познающему не дано полностью объективировать себя самого? Не оксюморон ли само выражение «гуманитарные науки», чей объект парадоксально совпадает и не может совпасть с их субъектом?

Неспособность гуманистики настичь свой ускользающий субъект-объект – оборотная сторона ее *конструктивной* задачи: строить новые понятия, знаки, образы человека. Только так может быть разрешен парадокс самореференции: включать свое знание о себе в бытийный рост самого познающего. *Человековедение* неотделимо от *человекотворчества*. Субъект человековедения потому и не может быть полностью объективирован, что находится в процессе становления, и каждый акт самоописания есть и событие его *самопостроения*. В гуманистике человек не только открывает нечто в мире субъектов, но и *производит в ходе самопознания собственную субъективность*.

⁵ Хофштадтер Д.Р. Гёдель, Эшер, Бах: Эта бесконечная гирлянда. Самара, Издат. дом «Бахрах-М», 2001. С. 655.

Кризис гуманитарных наук

Когда я работал над книгой о будущем гуманитарных наук, то в разговоре с коллегами часто слышал: «Вы что, действительно верите, что у них есть будущее?» Увы, такая реакция не удивительна: возможно, что однажды, не в столь отдаленном будущем, гуманистика перестанет существовать как социально востребованная профессия.

Если взглянуть на преобладающие тенденции в сфере высшего образования, станет понятно, почему сейчас на Западе принято говорить о «кризисе гуманитарных наук». Например, в Великобритании с 2005 по 2013 г. общее количество студентов увеличилось на 13,5 %. Больше всего это коснулось математики (43,4 %), а меньше всего – изучения языков (2,5 %) и истории и философии (0,1 %). Статистика для американских университетов еще более красноречива: только 7 % от общего числа студентов выбирают гуманитарные науки – вдвое меньше, чем в 1970-е годы. Доля студентов, специализирующихся в гуманитарных науках (majors), от общего числа студентов в США упала только с 1970/71 по 2012 г.:

Английский язык и литература: с 7,6 до 3,0 %⁶.

Иностранные языки и литературы: от 2,5 до 1,2 %.

История: от 18,5 до 10,7 %.

Гуманитарные науки обвиняются в том, что они якобы не приносят никакой практической пользы; оторваны от современной жизни, от экономического и технического прогресса; пользуются чересчур усложненным языком; их изучение в университете не гарантирует занятости и успешной карьеры.

Между тем роль гуманитарного образования в современном обществе все еще весьма высока. 60 % руководителей американских компаний (из 652 опрошенных) имели гуманитарные дипломы. В Великобритании из 650 членов парламента 65 % получили образование в области гуманитарных и социальных наук и только 10 % – в естественных. Согласно опросам, работодатели выше всего ценят у выпускников университетов те качества, которым учат гуманитарные дисциплины:

89 % – эффективная устная и письменная коммуникация;

81 % – критическое мышление и аналитический склад ума;

75 % – умение связать профессиональные проблемы с этическими. Однако несмотря на все выгоды гуманитарного образования, в 2010 г. в США только 0,45 % федеральных средств на научные исследования были выделены гуманитарным дисциплинам. Между 2007 и 2013 гг. только 1,06 % средств Европейской комиссии, предназначенных на финансирование науки, было потрачено на социальные и гуманитарные дисциплины (из 55,6 миллиардов фунтов стерлингов).

Все эти цифры могут лишь косвенно выразить горечь и разочарование, которые испытывают гуманитарии в обстановке растущего безразличия и даже высокомерного отношения к их профессиям, к их призванию. В размышлениях о судьбе гуманистики часто сочетаются два разных жанра: жалоба пациента и врачебный вердикт. Вот что пишет известный американский философ и правовед Марта Нуссбаум:

«Практически во всех странах мира в начальной и средней школе, в колледжах и университетах сокращается объем изучаемых гуманитарных наук и различных видов искусства. Политики считают эту область знаний бессмысленным и ненужным излишеством; в эпоху, когда ради сохранения конкурентоспособности на мировом рынке государства обязаны избавляться

⁶ Zakaria F. In Defence of a Liberal Education. New York; London: W.W. Norton & Co., 2015. P. 16.

от всего ненужного, эти знания быстро теряют свои позиции в учебных программах, а заодно в умах и сердцах родителей и детей». ⁷

Фрэнк Донахью, профессор английской словесности в университете штата Огайо, меланхолично констатирует:

«...Во всех университетах центр тяжести сдвинулся так далеко от гуманитарных наук, что самым уместным ответом на вопрос “Выживут ли гуманитарные науки в XXI веке?”, будет не “да” или “нет”, но “Кого это волнует?”... Университетские курсы периодически обновляются, и гуманистике просто не остается места в учебных планах XXI века» (2010)⁸.

Те, кто работает в гуманитарных профессиях, должны хотя бы частично взять на себя ответственность за этот кризис. Сейчас принято возлагать вину на внешние обстоятельства: рынок труда, экономику, алчность корпораций, отсутствие интереса у правительства, потребление в массовом обществе, чрезмерное увлечение новыми технологиями, погоню университетской администрации за прибылью и т. д. Но может быть, гуманитариям стоит более критически оценивать собственные методы, чтобы понять, почему терпит крах столь перевозимый ими моральный и либеральный дух гуманистики?

Не потому ли в XXI веке общество отворачивается от гуманитарных наук, что в XX, особенно в его второй половине, они сами отвернулись от своего предмета – человека, переключившись на изучение текстов, впав в интеллектуальный аутизм и утратив интерес к людям как существам духовным и творческим? Гуманистика оказалась в плену старых догм, оперируя спецификациями, выдвинутыми в 1920-е годы русским формализмом, а в 1930—1940-е – американской «новой критикой»: все литературное сводится к чистой литературности, а сама литературность – к текстуальности. Нет ни метафизики, ни биографии, ни психологии, ни живых людей...

Гуманистика стала текстологией и перестала быть *человековедением*.

В XVIII–XIX веках гуманитарные дисциплины: метафизика, логика, политическая и социальная философия, философия религии, этика, эстетика, история, психология, филология, искусствознание и литературоведение, культурная и художественная критика, языкознание – были науками именно о человеке и человечестве, а не о текстах, какой гуманистика стала к концу XX века. Гуманистика вбирала всю полноту знаний о человеке и была «опережающим зеркалом» его самопознания, определяла смену больших культурно-исторических эпох. Эпоха Просвещения была сформирована философией и литературой, Вольтером, Руссо, Дидро. Эстетики, литературоведы, языковеды, поэты, драматурги стали глашатаями эпохи романтизма.

В последние десятилетия гуманитарные науки перестают быть тем, чем были и призваны быть, – самосознанием и самотворением человечества. Философия перестает быть мышлением об основах, целях и смыслах мироздания и становится анализом философских текстов прошлого. Эстетика перестает мыслить о прекрасном, трагическом, комическом, героическом и становится дисциплиной, изучающей тексты по эстетике. То же самое с этикой, которая в своем качестве «метаэтики» занимается не проблемами добра, зла и нравственного выбора, а анализом и деконструкцией этического языка, дефиницией слов «добро», «зло», «нравственность».

Это отступление гуманитарных наук с переднего края истории и общества, утрата реформаторского посыла оборачиваются потерями не только для гуманитарных факультетов, которые превращаются в тихую гавань для наименее инициативного и креативного, «архивного» юношества. Это становится потерей и для человечества, которое утрачивает смысл своего

⁷ Нуссбаум М. Не для прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки / Пер. М. Бендет. М.: Высшая школа экономики, 2014, С. 18.

⁸ Donoghue F. Can the humanities survive the 21st century? // The Chronicle of Higher Education 5 September 2010.

бытия в истории, в культуре, технике, в процессах коммуникации – именно по мере гигантского разрастания самих средств этой коммуникации. Умножаются средства – исчезают цели. Майкрософт или Гугл, как гигантские корпорации, сами по себе неспособны определить гуманитарный смысл того, что они производят. Образуется вакуум смыслов и целей, который техника заполнить не может, а гуманистика не хочет. Та пустота и необеспеченность финансовых бумаг и институций, из-за которых разразился глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., давно уже имеет параллель в гуманитарной необеспеченности нашей высокоразвитой технической цивилизации.

Чтобы повернуть вспять эту тенденцию к самоизоляции, нужна программа воссоздания преобразовательных гуманитарных наук, побуждающих к действию и обращенных в будущее. Цель гуманистики – самосознание и самотрансформация человека, причем не только индивидуума, но и всего человечества. Гуманитарные науки, не ограничиваясь чисто исследовательским подходом, призваны изменять то, что они изучают. Если в гуманитарных науках нет места для будущего, в будущем не останется места для гуманитарных наук.

От наук – к практикам. Гуманитарные технологии

Преобразовательный потенциал гуманитарных наук еще не нашел признания в системе академических дисциплин и университетских программ. Здесь есть одно недостающее звено. Науки, как известно, делятся на три большие группы: естественные, социальные и гуманитарные. У первых двух есть практические надстройки – методы преобразования изучаемых предметов, а у третьей эта надстройка отсутствует, точнее, еще не приобрела своего места и функции в системе наукознания.

Предмет	Науки	Практика
Природа	Естественные	Техника
Общество	Социальные	Политика
Культура	Гуманитарные	?

У естественных наук (физики, химии, астрономии, биологии и др.) есть область практической применимости – техника, которая преобразует то, что они исследуют: природу. Например, авиационная или космическая техника работает на основе принципов, разработанных физикой, и преобразует природу на основе познания ее законов⁹. Общественные науки (экономика, социология, юриспруденция, политология, география и др.) через свою практическую надстройку – политику – воздействуют на общество. На этой основе возникают практические дисциплины – разные виды политики: экономическая, государственно-административная, социальная, национальная, культурная, внутренняя, внешняя...¹⁰

Может ли у гуманитарных наук быть особая практическая ветвь, свои способы воздействия на культурную жизнь? Речь идет о своего рода «культуронике», так же преобразующей культуру, как техника преобразует природу, а политика – общество. Гуманитарные науки остро нуждаются в своей собственной технологии и политике – отсюда и постоянные попытки технологизировать или политизировать гуманитарное мышление, пренебречь его спецификой ради выхода в конструктивное измерение. Технологизация гуманитарных наук на манер естественных – это попытки их кибернетизировать, дигитализировать, предпринимавшиеся еще в структурализме. Политизация гуманитарных наук – это подчинение их разнообразным дискурсам власти, социальному заказу, правящей идеологии. Тем самым гуманитарным наукам придается

⁹ В последнее время усиливается тенденция минимизировать или даже вовсе стирать разницу между науками и технологиями. Так, акторно-сетевая теория (ANT), выдвинутая Бруно Латуром, Мишелем Каллоном и Джоном Лео, не делает различий между науками (знаниями) и технологиями (артефактами), рассматривая их как взаимопереводимые компоненты одной системы, в которой и люди, и понятия, и объекты играют активную роль. Мы полагаем, что глубокое различие между науками и технологиями необходимо учитывать именно потому, что между ними должна происходить циркуляция: знание переходит в систему действий, преобразующих его предмет и приносящих новое знание. Если же между науками и технологиями различия нет, если науки – это сами по себе практики, то и задача построения технических практик на их основе даже не возникает.

¹⁰ Порой в отдельную группу выделяют еще формальные науки, которые занимаются исследованием формальных систем, в частности числовых. К этой группе относятся математика, логика, кибернетика, теория информации, теория систем, теория принятия решений, статистика, некоторые формальные аспекты семиотики и лингвистики. У этих наук есть своя практическая надстройка, которая в самом общем виде обозначается как «вычисление» или «компьютация» (куда относятся и логические исчисления). Хотя формальные практики основаны на формальных науках, но они широко применяются в естественных и общественных науках.

практическое измерение других наук, чуждое их специфике, и компрометируется сама возможность гуманитарных практик. Сегодня гуманитарные науки почти никак не воздействуют на предмет своих исследований. Считается, что гуманитариям положено знать, а не изобретать. Гуманитарные науки, действительно, много знают, но генерируют мало идей, способных определять развитие цивилизации. Задача в том, чтобы придать гуманитарным дисциплинам практическую направленность, не отменяя, а, напротив, полностью раскрывая их специфику.

В этой связи необходимо разработать понятие *гуманитарных технологий*. Это не значит, что гуманитарные науки должны заимствовать «техно» от технологий, основанных на естественных науках. Наоборот, естественные науки в свое время позаимствовали это понятие у сферы искусств. Греческое «*technē*», собственно, и означало «искусство, художество, мастерство». У Платона и Аристотеля к области «*technē*» относятся врачевание, охота, домостроительство, ткачество, ваяние, пророчество, игра на лире и флейте, искусства управления государством, кораблем и колесницей. Пришла пора гуманитариям возвратить себе это «*техне*». Как на основе естественных наук вырабатываются техники (искусства) преобразования природы, – так и на основе гуманитарных наук могут вырабатываться искусства преобразования культуры.

Гуманитарные науки в силу своей специфической обращенности на субъект познания, на самого человека, по существу даже более конструктивны, практически ориентированы, чем естественные и социальные. Каждый акт самосознания есть акт самопостроения, поскольку нельзя до конца выполнить сократовское «познай самого себя». Это означает, что гуманитарные науки не могут быть целиком «научными», они «обречены» конструировать и трансформировать свой предмет. Но именно по причине своей «врожденной» и неизбежной конструктивности гуманитарные науки позже приходят к осознанию ее методологических и институциональных возможностей, чем науки естественные и общественные. Естественные науки не составляют часть природы, тогда как гуманитарные науки составляют часть культуры, которая через них рефлектирует над собой и преобразует себя. Выделить этот конструктивно-преобразовательный компонент в гуманистике гораздо труднее, чем технологический – в естественных науках, которые трансформируют природу извне, а не культуру – изнутри.

Конструктивную сторону гуманистики было принято скорее редуцировать, как свидетельство недостаточной «научности» и «объективности» – комплекс неполноценности перед естественными науками. Но естественные науки вовсе не скрывают своей связи с технологиями, преобразующими мир и создающими материальную основу цивилизации, – наоборот, гордятся мощью своего воздействия на природу. Почему же гуманитарные науки должны стесняться соответствующих практик, направленных на преобразование языка, литературы, искусства, культуры в целом?

Без практического приложения гуманитарные науки остаются тем, чем стала бы ботаника без растениеводства и садоводства или космология без полетов в космос. Какое влияние оказывает культурология на современную культуру или поэтика на поэзию наших дней? Практически никакого. Одной из задач литературоведения должна стать разработка новых возможностей литературного творчества; задачей семиотики и лингвистики – создание новых знаков, лексических единиц или грамматических моделей, увеличивающих богатство и выразительность языка; задачей философии – проектирование новых универсалий и универсумов, альтернативных миров.

Гуманитарное изобретательство

Сферы изобретательства

Гуманитарные науки не меньше, чем естественные, нуждаются в изобретениях и изобретателях. Мы обращаемся к естественным наукам с вопросом, каков технический потенциал того или иного открытия. Столь же закономерен и вопрос, способны ли гуманитарная идея или теория породить новое культурное движение, художественный стиль, трансформацию языка? Можно ли на основе данной идеи создать новое интеллектуальное сообщество, литературное направление, творческую среду?

Подобно общему разделению наук на естественные, общественные и гуманитарные, изобретения тоже бывают трех видов: научно-технические, социально-политические и гуманитарные.

К числу научно-технических можно отнести: ткацкий станок, паровоз, динамит, железобетон, линзы и очки, телескоп, радио, автомобиль, авиацию, компьютер, вакцинацию, гибридизацию, антибиотики, банкомат, лазер, голографию, интернет.

Социальное изобретение – это любой новый закон, организация или процедура, которые меняют способ поведения и взаимодействия людей. Примеры социально-политических изобретений (к ним относятся и право и экономика): конституция, профсоюзы, бойскауты, кредитные и страховые организации, свободный рынок, феминизм, анархизм, коммунизм, сионизм, пособия по безработице, Красный Крест, Олимпийские игры, ООН, Декларация прав человека.

Гуманитарное изобретение – это новая гуманитарная идея, включающая средства ее воплощения в виде культурных практик, интеллектуальных движений, творческих организаций и форм сотрудничества. Гуманитарные изобретения охватывают те сферы культуры, которые изучаются гуманитарными науками: язык, литература, искусство, философия, религия, психология, культурология... Приведем ряд примеров по соответствующим дисциплинам, сознательно ставя в один ряд изобретения разных типов и масштабов:

Язык: армянский алфавит, славянские кириллица и глаголица, эсперанто, волапук, идо и другие плановые языки, информационные и компьютерные языки, формализованные языки науки, возрождение древнего языка – иврита, орфографические реформы, индивидуальные авторские неологизмы.

Литература: классицизм, романтизм, готический роман, натуральная школа, реализм, сказ, детектив, фэнтези, символизм, поток сознания, футуризм, социалистический реализм, метареализм.

Искусство: фотография, кино, ар-деко, Баухаус, ready-made, кубизм, сюрреализм, нео-реализм, супрематизм, минимализм, концептуализм, коллаж, инсталляция, видеоигры.

Философия: диалектика, идеализм, утопия, Просвещение, идея сверхчеловека, диалектический материализм, экзистенциализм, культурно-исторические циклы, деконструкция, пост-модернизм.

Психология: психоанализ, эдипов комплекс, архетип, бихевиоризм, тест Роршаха, тест Люшера, тест IQ, множественный интеллект, экзистенциальная психология, трансперсональная психология, эннеаграмма.

Религия: готический храм, Третий Завет, суфизм, Каббала, протестантизм, методизм, деизм, пантеизм, хасидизм, мормонизм, теософия, антропософия, атеизм, богоискательство, пятидесятничество, бахаизм.

Некоторые изобретения можно отнести к смешанным категориям.

Техногуманитарные: фотография, кино, компьютерные игры, гипертекст... *Социогуманитарные*: дендизм, хиппи, панки, эмо, готы и другие молодежные субкультуры...

Подавляющее большинство изобретений имеет индивидуальных авторов, что подчеркивает творческую природу даже тех дисциплин, жанров, направлений, которые, казалось бы, существуют извечно и возникли сами собой. Например, создателем лингвистики считается Панини (Древняя Индия), философии – Фалес, эпистемологии – Ксенофан Колофонский, цинизма – Диоген, готической архитектуры – аббат Сугерий, масляной живописи – Ян ван Эйк, протестантизма – Мартин Лютер, феминизма – Мэри Уоллстоункрафт, детектива – Э. По, научной фантастики – Мэри Шелли, экзистенциализма – С. Кьеркегор, анархизма – М.А. Бакунин, бихевиоризма – Джон Уотсон, логического позитивизма – Морис Шлик и т. д.

Одним из самых разносторонних социогуманитарных изобретателей в истории человечества был английский философ и социолог Иеремия Бейтам (1748–1832). Он создал этическое учение утилитаризма и определил цель жизни как «наибольшее счастье наибольшего числа индивидов», создав алгоритм, позволяющий исчислять удовольствия и страдания («*felicific calculus*»). К Бентаму восходит множество идей, составляющих основу современного либерализма. В частности, утверждая равенство женщин, Бейтам выступал за легализацию развода, настаивал на отделении церкви от государства и особо отстаивал права животных. Он ввел в язык такие слова как «интернациональный», «кодификация», «максимизировать», «минимизировать». В 1804 г. Наполеон своим «Кодексом» изменил правовую систему Европы, взяв за основу идеи Бентама. Его архив насчитывает более пяти миллионов рукописных листов, а идеи, которыми он обогатил цивилизацию, исчисляются десятками, если не сотнями.

Как следует из этих кратких перечней, трансформационную гуманистику (*transformative humanities*) следует отличать от так называемой «прикладной» (*applied humanities*). Последняя включает архивное, библиотечное и музейное дело, медийные практики, менеджмент и образование в области культуры, дигитализацию, разнообразные формы сохранения и популяризации культурного наследия, организации досуга и т. п. Это распространение культуры в массы, ее материальное и социальное обеспечение, совсем не то же самое, что гуманитарное изобретательство, которое создает новые ценности и идеи в культуре.

Типы гуманитарных изобретений

Изобретательство в гуманитарной сфере следует отличать от просто творчества или сочинительства. Даже великое литературное произведение далеко не всегда является изобретением – и наоборот, изобретением может стать текст, далеко не выдающийся по своим художественным достоинствам. Например, «Анна Каренина» – великий роман Л. Толстого, но литературным изобретением не является. А «Бедная Лиза» Н. Карамзина – простенькая назидательно-чувствительная повесть – была изобретением нового литературного направления – русского сентиментализма. П. Чаадаев в своем первом «Философическом письме» изобрел «русскую философию», положил начало рефлексии нации о самой себе, хотя вряд ли можно считать этот текст великим философским сочинением. С другой стороны, «Оправдание добра», самое значительное сочинение величайшего русского философа Вл. Соловьёва, несет в себе много глубоких идей, но не изобретательских черт.

Изобретательство – это создание некоего принципа или приема, которые впоследствии используются в создании других произведений. Поэтому великие изобретения часто бывают несовершенными творениями – не только в литературе или в философии, но и в технике. Вспомним первые телефоны, пароходы, автомобили, самолеты, компьютеры – их техническая наивность не мешала им быть великими изобретениями. Эстетически слабыми были первые фотографии и кинокартины – но они создавали новые виды и жанры художественной деятель-

ности. У изобретения бывает много общего с наброском, черновиком, гипотезой, т. е. не полностью реализованной идеей, которая впоследствии обретает более развернутое воплощение.

Сочинительство и изобретательство подлежат оценке на основе противоположных критериев. Сочинительство стремится к совершенству данного текста, произведения, тогда как изобретательство стремится создать ранее неизвестный принцип или идею, на основе которых можно производить множество разных сочинений. Сочинительство – это создание единичного, завершенного в себе, изобретательство – потенциально общего. Изобретение открывает собой целый ряд произведений, созданных по новому принципу или образцу.

Есть несколько типов гуманитарного изобретательства. Рассмотрим их на примере литературы.

1. Спонтанное. Создание оригинального произведения, которое впоследствии находит много продолжателей/подражателей, оказывается первым в ряду новых направлений, стилей, приемов или жанров. Это происходит без сознательного намерения автора и лишь впоследствии обнаруживает свое воздействие на литературу, становится точкой отсчета для последующих поколений. Так, изобретателем детективного жанра считается Э. По («Убийство на улице Морг», 1841). Н. Гоголь был изобретателем сказа, воспроизводя устную речь рассказчика и интегрируя ее в повествование без кавычек. Но при этом они не стремились изобрести какой-то особый прием, а просто творили в соответствии со своими дарованиями.

2. Экспериментальное. Автор ставит своей задачей создать новый прием, жанр, тип повествования и подчиняет свое творчество, частично или полностью, этой цели. Таков «первенец» экспериментальной словесности – роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», в многочисленных отступлениях вбирающий в себя и осмысление приемов собственного построения. Дж. Джойс, экспериментируя с языком и сюжетом, создает «Поминки по Финнегану», т. е. изобретает жанр романа-мифа и особый, почти непроницаемый язык, передающий коллективное бессознательное, сложную ассоциативную ткань сновидений.

3. Программное. Автор не просто сочиняет экспериментальные произведения, но выдвигает целую программу трансформации литературы и сознательно основывает новое направление, т. е. наряду с собственно художественными создает программные тексты, манифесты, прокламации, которые утверждают новый вид творчества, идущий на смену старому. Так, предисловие Виктора Гюго к «Кромвелю» стало своего рода заявкой на «патент» – изобретение французского романтизма и его важнейшего художественного приема, гротеска. Многие авторы русского Серебряного века наряду с собственно художественным творчеством определяли теоретические задачи новых направлений, выступали с манифестами символизма, акмеизма, футуризма, имажинизма.

4. Системное. Это редкий случай, когда изобретательство не ограничивается какой-то одной идеей, приемом, литературным направлением, но осуществляется систематически в разных областях творчества. Авторы ставят своей задачей именно изобретение новых приемов, стилей, жанров. Такова деятельность УЛИПО – «Цеха потенциальной литературы», образованного в Париже в 1960 г. (Р. Кено, Ж. Перек, И. Кальвино и др.). В русской литературе черты такого системного изобретательства можно найти у А. Белого и В. Хлебникова. Это изобретатели-универсалы, которые стремятся к творческим завоеваниям во многих направлениях: изобретают приемы, жанры, слова, грамматические конструкции, концепции, философы. В. Хлебников, по подсчетам лингвистов, изобрел порядка 14 тысяч слов, а также целые словообразовательные гнезда, например, существительных с суффиксом «аль» («взорваль, рыдаль, страдаль, видаль, играль» и др.).

В этом языкотворцы подобны техническому изобретателю-универсалу Т. Эдисону, который усовершенствовал все, за что ни брался, а брался он почти за все (получил более 1000 патентов в США и 3000 в других странах мира): телеграф, телефон, фонограф, киноаппаратуру, разработал один из первых вариантов электрической лампы накаливания. Столь же

неутомимыми изобретателями, которые преображали своей конструктивной технической фантазией всё, к чему обращались их интересы, были Никола Тесла и Р.Б. Фуллер. Среди самых изобретательных литераторов XX века – португальский поэт, прозаик, эссеист Фернандо Пессоа, писавший от имени примерно ста вымышленных авторов, и сербский прозаик и поэт Милорад Павич, создававший для многих произведений особую, часто нелинейную форму, которая лучше воспринимается в виде гипертекста.

Среди самых изобретательных художников XX века можно назвать Сальвадора Дали и Илью Кабакова (придумавшего жанры «тотальной инсталляции», «альбомов» и «стендов», работу с мусором, эстетику коммунальной квартиры...). Среди философов – Жака Деррида и Жюль Делёза, которые были не просто исследователями и мыслителями, но и создателями новых жанров теоретического дискурса, в который они внесли множество новых понятий, терминов, методов, дисциплинарных полей («деконструкция», «грамматология», «difference», «ризома», «шизоанализ» и пр.).

В гуманитарной сфере гораздо труднее, чем в технической, выделить элементы изобретательства. За гуманитарные изобретения не выдают патентов – хотя, возможно, стоило бы ввести такой обычай и институцию с целью вознаградить автора, хотя бы только морально, а главное – привлечь внимание к радикальным инновациям в области мышления и самосознания человечества.

Изобретательство может также различаться по своим масштабам. Например, в лингвистической области можно изобрести целый язык (эсперанто), или алфавит (кириллица), или разговорную, осовремененную версию языка (иврит), или способы словообразования (как В. Хлебников или Д. Джойс), или единичные слова, неологизмы (как М. Салтыков-Щедрин, создатель «благоглупости» и «злопыхательства»).

Таким образом, типология гуманитарного изобретательства основывается на пересечении по крайней мере трех координат:

- 1) дисциплина (философия, психология, язык, литература и т. д.);
- 2) тип (спонтанный, экспериментальный, программный, системный);
- 3) масштаб (целая область культурной деятельности, ее частичные формы или отдельные элементы).

Изобретательство и литературоведение

В литературоведении наряду с тремя основными общепринятыми разделами: теорией, историей, критикой литературы – должно найтись место и для проективной деятельности, для обоснования новых текстуальных стратегий, приемов, жанров, направлений. Литературоведению нужен *четвертый* раздел, обращенный не к прошлому (история), не к настоящему (критика), не к вечному (теория), а к будущему литературы (прогностика, эвристика, креаторика).

Речь идет о *практическом, экспериментальном* литературоведении, образцы которого мы находим у писателей, критиков и мыслителей, обосновавших новые направления литературы или исследовавших возможности новых художественных форм. Область их усилий – не только поэтика или эстетика, которые исследуют действующие законы литературы и искусства, но и *транспоэтика* и *трансэстетика*, которые открывают новые возможности литературы и искусства, пытаются преобразовать то, что они изучают. Приставка «транс-» означает «за», «сквозь», «через», «по ту сторону» того, что обозначается корневой частью слова. В применении к названиям теоретических дисциплин «транс-» обозначает именно вторичные практики, технологии, которые возникают на их основе и ведут к *трансформации* изучаемых ими областей.

Существующее деление культуры на первичные практики и изучающие их теории заведомо неполно и не позволяет определить характер творческого вклада многих выдающихся

деятелей культуры, например, русского Серебряного века. Д. Мережковский, В. Иванов, А. Белый были и писателями, и теоретиками, но в их работе присутствует нечто третье, чего нет ни у чистых художников (скажем, у Н.С. Лескова или А.П. Чехова), ни у академических ученых (как у А.Н. Веселовского или А.А. Потебни). Они не просто создавали литературу и не просто изучали ее, а раздвигали ее границы, открывали в ней новую эпоху и стиль (символизм), исходя из теоретического видения ее задач и возможностей. Они были не только литераторами и литературоведами, но и своего рода «литературоводами», т. е. сочетали литературную практику (стихи, проза) с литературной теорией, а последнюю переводили в новую, вторичную практику, в *программу нового литературного направления* и даже *целого культурного движения*, в котором были и художественная, и теоретическая, и философская, и религиозная, и социальная составляющие...

Разумеется, нет необходимости всем гуманитариям из – *ведов* переквалифицироваться в – *водов*. Здоровый консерватизм не помешает, и я не призываю оторвать античников от Античности, пушкинистов от пушкинистики и «бросить» их на новейшие направления преобразовательной гуманистики. Но каждая гуманитарная дисциплина, как целое, нуждается в практическом развитии, чтобы преобразовать знание в конструктивное мышление и творческий процесс. Лингвисты могут расширить словарь и грамматику живого языка, который они изучают, дополнить его новыми концептами и лексемами, обосновать новые грамматические конструкции, которые сделали бы мышление более гибким и многомерным. Литературоведы могут создать новое литературное направление, провозгласить новое мировидение, как Ф. Шлегель вдохновил романтиков, В. Белинский – реалистов, А. Бретон – сюрреалистов...

В какие академические рубрики попадает эта конструктивная деятельность мышления? Что это – наука или художественная словесность? Не то и не другое – это область гуманитарных изобретений.

Изобретательство и университеты

Возникает вопрос: а можно ли учить и учиться гуманитарному изобретательству – в той же мере, в какой можно преподавать и изучать гуманитарные науки? За последние полвека в систему университетского образования США интегрировалась такая область деятельности, как «творческое письмо» (creative writing) – литературное творчество. Пришло время институционализации и «творческого мышления», изобретательской деятельности в области гуманитарных наук. Почему в университетах учат писать стихи и рассказы, но не учат писать художественные манифесты и создавать новые слова и языки?

Гуманистика должна охватить оба способа интеллектуальной деятельности, признаваемой в науках: *изучение* и *открытие* существующих фактов и принципов – и *изобретение* идей и инструментов, способных преобразовать предмет изучения.

В современных академических институциях, однако, не предусмотрено место для таких форм концептуального творчества. Есть отделения литературоведения и «сравнительных исследований»; есть отделения литературного творчества (проза, поэзия, драма). Но есть ли такие подразделения в университетах, где мыслители-творцы, строители литературы, такие, как Фридрих Шлегель, Фридрих Ницше, Филиппо Маринетти, Андрей Белый, Андре Бретон, Вальтер Беньямин или Артур Кёстлер могли бы обрести себя как профессионалы и педагоги?

Представим такую ситуацию: Ф. Ницше подает заявление на вакансию рядового преподавателя по кафедре философии в США. Он предъявляет книгу «Так говорил Заратустра» как свидетельство своей квалификации. Книгу без единой ссылки, без перечня источников, научного аппарата, полную туманных и претенциозных метафизических деклараций, которые надменный автор преподносит под маской древнего персидского пророка. Скорее всего, Ницше отказали бы даже в позиции младшего преподавателя. А ведь десятки заслуженных профессо-

ров философии обязаны своей академической карьерой именно изучению наследия Ницше, в частности, его «заратустровской» философии сверхчеловека.

Интеллектуальный настрой современной академии враждебен гуманитарному изобретательству, хотя задним числом оно оценивается весьма высоко. Взгляды, сочинения и биографии гуманитарных изобретателей считаются достойными самого тщательного изучения, за которое присваиваются степени и титулы. Однако сам конструктивный импульс изобретательства препятствует его интеграции в академической среде. Этот парадокс можно уподобить сценарию, при котором университет закрыл бы инженерные и медицинские школы и отделения информационных технологий на том основании, что, в отличие от отделений физики и химии, они занимаются изобретениями, а не открытиями.

Гуманитарное изобретательство имеет такое же право на университетские кафедры, как и технологические, политические, медицинские, юридические дисциплины. Чтобы гуманитарные науки не только выжили в XXI веке, но и расширили свое интеллектуальное воздействие на общество, их преобразовательная энергия требует социализации и институционализации. В университетах должны получить развитие программы творческого мышления и гуманитарных технологий. Научное сообщество нуждается в творческих умах не меньше, чем они нуждаются в научных сообществах.

Пути инновации

Идеи

Как известно, Нильс Бор ценил в идеях творческое безумие. «Мы все согласны, что ваша теория безумна, – обратился он к Вернеру Гейзенбергу. – Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной».

Что это означает – быть «достаточно безумным» в современной профессиональной среде, бросать вызов устоявшимся канонам академического сообщества, в котором почтенные традиции неотделимы от изживших себя предрассудков? Каков сегодня статус контринтуитивного мышления, выдвигающего идеи, противоречащие здравому смыслу?

Речь идет о творческом вызове – внесении частицы хаоса в систему общепринятых фактов и интерпретаций с целью дать ей заряд свежей энергии. Жан-Франсуа Лиотар называл это экспериментальной или «паралогической» наукой. Обречены ли мы на малопривлекательный выбор между прилежной, добросовестной эмпирикой и необузданным и бесцельным порывом к анархическим экспериментам? Как быть «достаточно безумным», чтобы не принести гуманитарным наукам больше вреда, чем пользы, а с другой стороны, не выхолостить строптивую стихию, не утратить инновацию в процессе ее адаптации?

В естественных науках, которые больше рискуют, доверяясь гипотезам и фантазиям, ситуация, как ни парадоксально, выглядит проще. История науки ясно демонстрирует, что множество ключевых идей, перевернувших наше мировоззрение, возникло не в результате усвоения установленных фактов, но как открытый вызов и неповиновение. Философ и методолог науки Поль Фейерабенд, по-своему вторя Нильсу Бору, формулирует правило *контриндукции*. Это «контрправило, рекомендуемое разрабатывать гипотезы, несовместимые с *наблюдениями, фактами и экспериментальными результатами*, не нуждается в особой защите, так как не существует ни одной более или менее интересной теории, которая согласуется со всеми известными фактами»¹¹.

К сожалению, гуманитариям это правило контриндукции известно еще меньше, чем ученым-естественникам, хотя именно гуманитарные науки способны к более частым методологическим прорывам, острашениям и озарениям, ввиду размытости их собственных критериев истины и доказательства. Фейерабенд настаивает:

«Познание... не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающихся к некоторой идеальной концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой увеличивающийся океан взаимно несовместимых (быть может, даже несоизмеримых) альтернатив, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке; благодаря этому процессу конкуренции все они вносят свой вклад в развитие нашего сознания»¹².

Такое несоответствие фактов и концепций динамизирует поле науки, позволяет обнаруживать новые факты и пересматривать старые. Это еще более приложимо к гуманитарным наукам, где парадигмы познания менее четко определены, а профессиональные сообщества

¹¹ Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 160.

¹² Feyerabend P. Against method: Outline of an anarchistic theory of knowledge. London: New Left Books, 1975. P. 30.

менее жестко организованы. И однако в гуманитарных науках контриндукция применяется гораздо реже, что привязывает их к методам, устаревшим даже в естественных науках. Ведь еще задолго до Нильса Бора Паскаль сказал: «Ничто лучше не согласуется с разумом, чем его недоверие к себе».

Контринтуитивный принцип в гуманитарных науках предполагает создание рискованных гипотез, которые могут быть подтверждены или опровергнуты другими исследователями, а также набросков и черновиков, которые могут быть доработаны или завершены другими авторами. Некоторая шероховатость, незавершенность интеллектуального продукта может оказаться не помехой, а, наоборот, стимулом дальнейшего творческого развития в профессиональных сообществах. Ничто не объединяет умы лучше, чем вспышка новой идеи. Пусть даже она окажется ложной, но к научному познанию должно быть применимо то же правило, что и в юриспруденции. Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного. Лучше огласить десять сомнительных идей, чем замолчать одну истинную. Более того, вероятно, что ложных идей вообще не существует. Есть идеи более или менее продуктивные, «счастливые» или «несчастливые».

Публикации

Где в академических журналах можно найти место для «контр-индукции», для раздела «Наброски и гипотезы», которые узаконят публикацию дерзких идей, бросающих вызов научным конвенциям? Спертая атмосфера многих академических журналов отчасти обусловлена системой внутренних рецензий, которая, на мой взгляд, нуждается в радикальном пересмотре. Самые дерзкие инновационные идеи встречают сильнейшее сопротивление со стороны этой системы, которая предназначена поддерживать высокий профессиональный уровень публикаций, но вместе с тем поощряет интеллектуальный конформизм и посредственность. Создается впечатление, что все статьи написаны одним и тем же автором, следуют диктату единого стиля.

Чтобы пройти сквозь фильтр анонимных внутренних отзывов, авторы сами вынуждены обезличиться, подгоняя себя под заданный стандарт.

Я полагаю, что такая система интеллектуального ОТК полезна только для авторов, находящихся на начальных ступенях академического поприща – как педагогический инструмент для повышения квалификации аспирантов и молодых ученых. Но работы исследователей с уже установившейся репутацией и высоким академическим рангом должны обладать презумпцией профессионального качества и публиковаться в академических журналах без всяких внутренних рецензий и поправок, кроме чисто редакционно-корректорских. Пусть сам автор отвечает за качество своей работы перед коллегами и читателями.

Стоило бы создать систему сбора, хранения и распространения *новых идей* в гуманитарных дисциплинах. Этот электронный архив мог бы принимать препринты статей до того, как профессиональные журналы вынесут решение об их публикации. Такая база данных для физики, математики и других точных наук существует в библиотеке Корнельского университета по всемирно известному адресу: *arXiv.org*. С 1991 г. там собрано около миллиона работ, в том числе выдающихся, удостоенных престижнейших международных премий. Некоторые из них впоследствии печатаются в профессиональных журналах, преодолев барьер внутреннего рецензирования, а другие вносят важнейший вклад в науку, так и не удостоившись публикации. Например, знаменитое доказательство теоремы Гильберта Григорием Перельманом, награжденное Филдовской премией, так и осталось электронным препринтом.

Представим, что Перельман был бы не математиком, а философом или филологом. По каким каналам профессиональной коммуникации мы могли бы узнать о его открытиях? Следовало бы учредить аналогичный электронный репозиторий и в гуманитарных науках. Его задачей было бы представлять идеи в наиболее прямой и концентрированной форме: не как «ста-

ты», обремененные вторичной информацией, а именно как новые идеи, – и выносить их на публичный форум¹³.

Жанры

В современных академических журналах по гуманитарным наукам можно найти только два жанра: (а) статьи и (б) обзоры и рецензии. А где же другие, которые на протяжении столетий оттачивали нашу способность фантазировать, изумляться, мыслить творчески? Где манифесты, афоризмы, фрагменты, тезисы, наброски, программы, эссе? Можно ли представить себе собрание афоризмов или манифест на страницах журналов, издаваемых для членов профессиональных организаций, например, лингвистов, психологов или славистов?

Когда Фридрих Шлегель хотел найти соразмерную жанровую форму для своих идей, он назвал их просто «идеями». И это были именно идеи: не в пример длинным академическим статьям, из которых зачастую невозможно извлечь ни единой продуктивной мысли, они занимали не больше пяти-десяти строк. «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса дали толчок многим направлениям мысли, но в сегодняшних академических изданиях вряд ли нашлось бы место для этих двух страниц с 11 тезисами, поскольку их жанр сочли бы ненаучным. Самым креативным, лаконичным, энергичным жанрам интеллектуального дискурса нет доступа в академическую науку и прессу.

По словам Ницше, «не следует утаивать и скрывать *факты* того, как наши мысли приходят к нам. Во всех самых глубоких и неисчерпаемых книгах есть что-то афористическое и неожиданное, как в *Мыслях* Паскаля»¹⁴. Знаменательно, что «Мысли» писались начерно, как основа для трактата о системной теологии, и так и не были завершены в соответствии с замыслом автора. Но то, что это были только наброски или идеи в чистом виде – семена, а не плоды мысли, – наделяло их особой энергией, присущей эмбрионам. Потенциал их воздействия на читательское сознание возрастает оттого, что они предстают не как законченные мысли, а именно как ростки, обращенные к сотворчеству и со-мыслию.

Поэтика краткости берет свое начало в Античности (афоризмы, гномы, эпиграммы) и на протяжении веков вдохновляла самые радикальные умонастроения и самые динамичные и трансформативные жанры: тезисы Лютера и Маркса, «Мысли» Паскаля, фрагменты немецких романтиков, афоризмы Ницше. Микрожанры отвечают ускоренным темпам современных коммуникаций и могут вдохнуть новую жизнь в гуманитарные дисциплины, которые сейчас, как никогда раньше, нуждаются в интеллектуальной концентрации и лаконичности¹⁵.

Гуманитарное образование

По мысли М. Бахтина, «предмет гуманитарных наук – выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении»¹⁶. Соответственно Бахтин выделяет «разные виды *активности* познавательной деятельности. Активность познающего безгласную вещь и активность познающего другого субъекта, то есть *диалогическая* активность познающего»¹⁷.

¹³ См.: Репозиторий новых идей (Repository of New Ideas) на сайте Центра гуманитарных инноваций Даремского университета: <https://www.dur.ac.uk/chi/ideas/>

¹⁴ Nietzsche F. *Samtliche Werke. Kritische Studienausgabe*. Bd 15. G. Colli and M. Montinari (eds). Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1980. S. 35.

¹⁵ См.: Минима: Журнал интеллектуальных микро-жанров, на сайте Центра гуманитарных инноваций Даремского университета (*Minima: A Journal of Intellectual Micro-Genres*) <https://www.dur.ac.uk/chi/minima/>

¹⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 410.

¹⁷ Бахтин М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е, М.: Искусство,

Доводы М. Бахтина помогают сформулировать особые принципы интеллектуальной деятельности в гуманистике. В отличие от технологической или политической деятельности, гуманитарная направлена не на материальные объекты и не на общественные группы, а на мыслящих и чувствующих индивидов и вовлекает их в акты творческой коммуникации. Политизация и технологизация гуманитарных дисциплин ведут к отказу от признания их особенностей.

Образование – та сторона гуманистики, которой в наибольшей степени угрожает корпоративизация современного университета. Здесь возникают два важнейших вопроса.

1. Могут ли новые технологии, основанные в первую очередь на применении компьютеров – например, дистанционное обучение – заменить университет, сообщество взаимодействующих, сотрудничающих индивидов, место интеллектуального общения?

2. Каково принципиальное отличие университета, предлагающего приобрести диплом или профессию, от универмага или супермаркета?

Эти вопросы взаимосвязаны и подразумевают один общий ответ. Университет – это не информационная сеть и не супермаркет интеллектуальной продукции; это гуманитарная институция, предназначенная для самопознания человечества. Технологизация, равно как и коммерциализация, подрывает диалогическую природу гуманитарных наук – дисциплинарного и методологического ядра университетского образования. В стихотворении А. Пушкина «Разговор книготорговца с поэтом» (1824) содержится примечательная фраза: «Не продается вдохновение, Но можно рукопись продать». Преподаватели обмениваются со студентами не только своими рукописями, заметками, книгами и мыслями, но и своим вдохновением. Только гуманитарные науки в полной мере сопоставимы с человеком – их предметом и в то же время адресатом; только они открыты для диалога с ним. Изучение гуманитарных дисциплин прямо соотносимо с тем, как взаимодействуют студенты в университете, какие формы самопонимания и человеческого общения между ними возникают. Метафизика, этика, эстетика, логика, психология, искание смысла, восприятие красоты, понимание добра – все это прямо участвует в создании университетского образа жизни, ценностей, поведенческих установок. Университет – место обучения и *приложения* этих знаний, интеллектуально-психологическая среда, где опытно закрепляется то, что изучается в аудиториях. Если говорить о транс-формативном потенциале гуманистики, то университет – не только условие, но и продукт его реализации. Главный результат высшего образования – это и есть сам университет как система полного самораскрытия творческих способностей человека в отношении к себе и к другим.

Образование – это одна из самых таинственных и сокровенных составляющих жизни, поистине экзистенциальный опыт. Профессиональная деятельность, даже в творческих сферах, обычно осуществляется в заранее освоенных формах и predetermined жанрах. Картина, стихотворение и танец являются законченными продуктами, от которых их создатели (будь то художник, поэт или хореограф) уже дистанцировались. Даже актеры или певцы, выходя на сцену, демонстрируют публике то, что было заранее ими подготовлено. В образовании же таинство творческой самореализации человека совершается в наибольшей степени непосредственно и спонтанно – как самосоздание личности здесь и сейчас, посредством диалога с другими людьми. Изучая математику, физику или экономику, мы не применяем этих знаний о природе и обществе прямо к себе, но в гуманитарных науках субъект и объект познания совпадают, поэтому образование и выступает здесь непосредственно как трансформация самого «образуемого».

Для научных исследований «воспроизводимость результата» является одним из обязательных требований. Особенность образовательного процесса состоит в том, что он включает в себя не только передачу и обретение знаний, но и *невоспроизводимые* моменты человеческого взаимодействия, «преображения-через-знание». Иногда я задаюсь вопросом: «А нельзя

ли компьютеризировать мои занятия? Записать лекции на диск и включить в “цифровой пакет” учебных программ?» Надеюсь, что ответ окажется отрицательным. Образование – импровизационная деятельность, развивающая способность человека удивляться и поступать непредсказуемо. Образование вовсе не сводится к пересказу того, что и так уже известно: оно порождает событие совместного творческого мышления, в рамках которого и неизвестное становится нам известным только в присутствии других людей. Здесь наибольшую ценность приобретает открытое отношение известного к неизвестному, которое выражается в вопросительности человеческого бытия, открытого бытию другого¹⁸.

Как писал М. Бахтин, «если ответ не порождает из себя нового вопроса, он выпадает из диалога и входит в системное познание, по существу безличное»¹⁹. Вопросы обладают собственной неотъемлемой ценностью: они являются источником экзистенциальной неуспокоенности и интеллектуального вдохновения. К известному тезису Бахтина «искусство как ответственность» можно добавить постулат о «вопросительности мышления», гуманистики в целом.

Постановка вопросов в наши дни становится для гуманистики более важной, чем когда-либо. Само качество «быть человеком» ставится под сомнение: некогда неотъемлемые признаки принадлежности к человеческому роду, такие как способность жизни и познания, постепенно переносятся на технические и биотехнические устройства. Гуманитарным дисциплинам приходится действовать в режиме постановки вопросов самим себе с целью осознания усиливающейся уязвимости и неопределенности их предмета, а именно человека.

Любое решение, предлагаемое гуманистикой, имеет меньшую ценность, чем вопрос, на который она ищет ответ, поскольку творчески мыслящий человек, в отличие от предметов изучения естественных и общественных дисциплин, не может быть объективирован. Великие исследователи человечества (и самих себя) завещали нам не столько систему своих знаний и убеждений, сколько свои способы вопрошания. Их ответы почти всегда спорны, но вопросы чаще всего неоспоримы.

Центры гуманитарных инноваций

Если университет призван стать Центром интеллектуального творчества и изобретательства, то и внутри университетов должно найтись место для таких центров, которые координировали бы работу гуманитарных кафедр и инициировали развитие гуманитарных практик. Необходимы *Центры гуманитарных инноваций* (ЦГИ), которые разрабатывали бы и выносили на обсуждение всего университета такие вопросы: «Что значит быть человеком в век развития фундаментальных технологий – биологических, информационных, нейрокогнитивных? Как они расширяют потенциал человеческого? Как выработать новое видение будущего человечества и понятийный аппарат для его изучения?»

Более подробная типовая программа университетского Центра гуманитарных инноваций включает следующие вопросы и задачи.

1. Развитие новых направлений гуманистики, способных осмыслить стремительные изменения интеллектуального климата в XXI веке, особенно – прорывные достижения естественных наук и новейших технологий.

2. Изучение проблем технического и биологического преобразования человека и создания искусственного интеллекта в гуманистической перспективе – в сотрудничестве с факультетами философии, теологии, физики, биологии и информационных технологий.

¹⁸ Образовательный процесс обязательно включает элементы коллективной импровизации. Подробнее об этом см. в главе «Коллективная импровизация: творчество через общение», в секции «Экзистенциальное событие мышления».

¹⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 161.

3. Исследование изменений, привнесенных новейшими информационными технологиями в деятельность гуманитария, в методы интерпретации и в этику академического сообщества, в традиционные представления о тексте, чтении, письме.

4. Учреждение интеллектуальных «сил быстрого реагирования», способных оперативно исследовать новые тренды и проблемы, выходящие за границы существующих дисциплин и требующие формирования новых областей научного познания.

5. Усиление преобразовательного потенциала гуманитарных наук.

Примеры проектов, разрабатываемых Центром: воздействие лингвистики как научной дисциплины на развитие языков; эстетики и поэтики – на творческое развитие литературы и искусства; роль философии в компьютерных симуляциях, в построении виртуальных миров.

6. Создание и развитие новых гуманитарных дисциплин, изучающих социально-культурные проблемы XXI века. В их число могут войти и дисциплины, описанные в этой книге: науководство, техногуманистика, технософия, хоррология, семиургия, проективная лингвистика, скрипторика, текстоника...²⁰

7. Расширение жанров интеллектуального дискурса с особым упором на развитие экспериментальных техник письма и кратких и выразительных жанров, ранее ушедших из академической практики (манифесты, тезисы и пр.).

8. Развитие специфических методов и критериев для оценки созидательного потенциала мышления, интеллектуального воображения; разработка теории творчества в применении к гуманитарным дисциплинам.

9. Разработка форм регистрации и «патентования» гуманитарных изобретений и публичной оценки и распространения их результатов.

10. Использование электронных сетей и других новейших технологий не только для хранения и распространения гуманитарных знаний, но и для формирования новой интеллектуальной среды, ИнтеЛнета, создания экспериментальных знаковых конфигураций, воплощающих новые возможности гуманитарного творчества и проектирования²¹.

Рассказывая о Центре гуманитарных инноваций, я опираюсь на опыт создания такого Центра при Даремском университете (Великобритания). Мне довелось быть его основателем и руководителем в течение трех лет (2012–2015), и многие из идей, составляющих эту книгу, родились из опыта его работы²².

На сайте Центра выходит электронный журнал «Минима. Журнал интеллектуальных микрожанров» («Minima: A Journal for Intellectual Micro-Genres»). В нем легитимизируются такие минимальные формы интеллектуального письма, как афоризмы, фрагменты, тезисы, манифесты, программы, идеи, неологизмы, дефиниции, записи, наброски, поскольку разбухшие форматы современного академического письма по сути неудобочитаемы и не стимулируют творческую мысль.

Действует, пока в очень скромных масштабах, «Репозиторий новых идей» («Repository of New Ideas»). Предполагается иная циркуляция идей, чем та, что принята в гуманитарных науках сегодня. Отчасти это похоже на препринты в естественных науках. Члены нашего сообщества могут свободно, без всякого контроля и фильтра размещать там свои тексты, каждый – размером не более 2000 слов. Новым участникам придется проходить редакционный контроль:

²⁰ К ним можно добавить и ряд гипотетических дисциплин, описанных в моей книге «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук». М.: НЛО, 2004: эротология, тегименология, универсика, реалогия, микроника, тривиалогия, нулевая дисциплина и др. (С. 396–787.)

²¹ См. главу «Текстоника. Конфигурации электронных текстов».

²² Centre for Humanities Innovation, Durham University. Подробнее познакомиться с деятельностью Центра можно на его сайте: <https://www.dur.ac.uk/chi/>

совсем безумные идеи должны, конечно, отсеиваться, – как и попытки публиковать неформатные для сайта тексты, например стихи.

Есть рубрика «Словарь новых терминов и понятий», предлагаемых для введения в гуманитарные науки. Хотелось бы надеяться, что Центр станет своего рода местом «эмиссии» новых идей и знаков, входящих в оборот профессионального сообщества.

В 2014 г. Центр провел представительную международную конференцию (сорок докладчиков) по следующим темам:

Креативность и воображение в гуманитарных науках.

Парадигматические и методологические инновации в гуманистике.

Новые жанры и дисциплины в гуманистике.

Гуманитарные исследования как основа новых культурных практик.

Гуманитарное и дигитальное: способы взаимной трансформации.

Гуманистика перед лицом экологических угроз.

«Третьи культуры»: взаимодействия между гуманитарными и естественными науками.

Все доклады были представлены в форме манифестов, очерчивающих новые направления в развитии гуманитарных наук и практик.

В перспективе такие центры творческого мышления и гуманитарных инноваций должны создаваться в крупнейших исследовательских университетах и становиться местом пересечения традиционных дисциплин и преобразовательных практик. Причем центры – это только начало реформ, семена новой гуманистики, которые должны дать дальнейшие всходы. Необходимы кафедры, программы, отделения творческого мышления (Creative Thinking) – и даже целые гуманитарные профессиональные школы (Schools of the Humanities) при университетах, такие же по статусу, как факультеты политических, юридических, теологических наук, медицинские и бизнес-школы, обучающие практической деятельности в данных областях. Такие школы готовили бы специалистов в области гуманитарных практик – логико-метафизических, психологических, этических, эстетических, лингвистических, оказывающих воздействие на развитие цивилизации, на общество в целом.

У гуманитариев, как у новых «отверженных», у своего рода академического меньшинства, должно возникнуть осознание своего высокого предназначения, своего центрального места в образовательном универсуме. Психологическое значение Центра гуманитарных инноваций заключается в формировании этой профессиональной гордости.

Ответ на возможные возражения

Порой считается, что практическая составляющая гуманитарных наук – это их преподавание, педагогическая деятельность. Это не так. Преподают и естественные, и общественные науки, но это не мешает им иметь особую практическую надстройку в виде техники и политики (которые в свою очередь могут преподаваться).

Иногда утверждают, что практическая составляющая гуманитарных наук – это литературное и художественное творчество. Это не так. Художественное творчество – не отрасль гуманистики, но предмет ее изучения, как природа – предмет изучения в естественных науках. Литература, живопись, музыка, театр и кино – первичные виды искусства, которые исследуются гуманитарными дисциплинами, такими как эстетика, культурология, литературоведение, искусствознание, музыковедение. Мы же предлагаем надстройку над этими дисциплинами, переход от теории к *вторичной* практике, которая качественно отличается от первичной, «дотеоретической».

Кто-то возразит: разве можно научить владению таким творческим жанром, как литературный манифест? Но разве не учат студентов искусству создания поэзии или прозы на кафедрах писательского мастерства, литературного творчества? Почему бы не организовать и кафедры *интеллектуального творчества*, на которых гуманитарии-изобретатели могли бы обрести подобающее им место в академическом сообществе? И не только кафедры, но и целые школы, по примеру юридических, медицинских, теологических, инженерных, бизнес- и других так называемых «профессиональных» школ, образуют важнейшую составную часть многих университетов. Среди них вполне можно представить и «School of the Humanities», которая будет готовить специалистов по всем направлениям гуманитарных технологий и изобретательства.

Традиционалисты выдвигают такой аргумент: разве могут науки планомерно формировать язык или литературу? Разве язык станет «слушаться»? Это живой организм, на один и тот же стимул он может выдать множество непредсказуемых реакций...

Прежде всего, литература или язык тоже формируются индивидами. Не бывает никаких «слов, придуманных народом», «песен, сочиненных народом». Кто-то эти «народные» песни сочиняет, кто-то начинает их петь, точно так же кто-то первым произносит новое слово, а потом оно принимается или не принимается языковой или фольклорной средой. Других путей нет.

Кроме того, имеются в виду не столько науки, сколько гуманитарные технологии, создаваемые на основе этих наук для творческой работы в культуре. Мы же не отрицаем необходимость технологий, которые в сотрудничестве с естественными науками преобразуют природу и создают материальную основу цивилизации. Мы не говорим: космос столь совершенен сам по себе, пусть физика изучает материю, но никак не воздействует на нее, потому что все, что нужно природе, в ней уже есть. Мы не против колеса и рычага, самолета и парохода, космических кораблей и электронных сетей. Если уж мы дерзаем перекраивать высшие творения Бога (или природы), то что мешает нам перестраивать культуру, созданную деятельностью человека?

Еще одно возражение: разве не достаточно практиковать искусство творческого мышления вне академических рамок? Разумеется, гуманитарии-изобретатели могут «выжить» и за пределами университетского сообщества, но в таком случае они будут лишены многих важных преимуществ: их работы не получают финансирования, у них не появятся последователи среди студентов, а главное – они окажутся оторванными от всей академической системы, созданной для развития новых идей. Впрочем, сама академическая система, отгораживаясь от изобретательства, теряет даже больше, ибо гуманитарные науки, заколдованные прошлым, обречены на застой.

Раздел 2

Творческое мышление

Масса знания, энергия мысли

Обычно наука рассматривается как область накопления и систематизации объективных знаний о действительности. Во всех определениях науки на первом месте стоит именно «знание» (да собственно и само понятие «science» происходит от латинского «scire», знать). Например, согласно Британской энциклопедии, наука – это «любая система знания, которая связана с физическим миром и его явлениями и предполагает беспристрастные наблюдения и систематические эксперименты. В целом наука – это поиск знания, охватывающего общие истины или действие фундаментальных законов»²³.

Для самоопределения гуманитарных наук существует вопрос: как деятельность познания соотносится с деятельностью мышления? Служит ли мышление средством приобретения знаний или, напротив, знание представляет лишь одну из ступеней мышления?

Между «знать» и «мыслить» есть глубокое различие. «Знать» – значит иметь в уме верное понятие или сведение о каком-то предмете. «Мыслить» – значит совершать в уме действия с понятиями, сочетать их, разъединять, соединять на новом уровне. Мышление – это динамическая работа с теми понятиями, которые статично представлены в форме знания.

Безусловно, у знания есть своя собственная динамика, которая выражается глаголом «познавать». Познание – это процесс приобретения знания, в ходе которого неверные понятия отбрасываются, а верные сохраняются и приумножаются. Но мышление не сводится к познанию и не укладывается в формы знания, поскольку создает такие понятия, которые не имеют соответствия в действительности. Напротив, действительность может быть постепенно приведена в соответствие с этими понятиями. Так возникает все, что человек «от себя» привносит в действительность, т. е. сверхприродный мир истории и культуры. Мышление содержит в себе ту прибавку к знанию, которая и создает вторую действительность, рукотворный и мыслетворный мир, включая идеи и ценности, науку и технику.

Мышление не только следует за знанием, но и предшествует ему, создает сам предмет и возможность знания. Даже такой несомненный факт, как $2 \times 2 = 4$, опирается на понятия числа, единицы, уравнения, которых нет в самой природе. Тем более это относится к области истории, культуры, морали, метафизики. Кстати, само слово «факт» (лат. *factum*) означает нечто «сделанное, произведенное», т. е. искусственное, и лишь с XVII века приобрело значение «реально существующее», поскольку по ходу истории под реальностью все больше понимались человеческие дела и свершения. Большинство мыслей, оказавших самое глубокое воздействие на человечество, вообще не основаны ни на каких фактах, скорее, выражают совокупность жизненного опыта и устремлений, причем устремления разных людей могут противоречить друг другу. «Люби ближнего, как самого себя». «Все люди рождаются равными». «Человек человеку – волк». «Человек – венец творения». «Человек – квинтэссенция праха». «Жизнь – чудо».

²³ Вот еще несколько словарно-энциклопедических определений: «Накопленное и установленное знание, систематизированное и сформулированное в связи с открытием общих истин или действием общих законов» (Вебстеровский словарь, наиболее авторитетное полное издание 1913 г.). «Система развивающихся знаний, которые достигаются посредством соответствующих методов познания, выражаются в точных понятиях, истинность которых проверяется и доказывается общественной практикой» (Кедров Б., Спиркин А. Наука // Философская энциклопедия: В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 562). «Особый вид познавательной деятельности, направленной на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире» (Стёпин В.С. Наука // Всемирная энциклопедия. Философия / Ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: Минск, 2001. С. 673).

«Жизнь – бессмыслица...» Теодор Роззак называет такие мысли, которые без всякого логического доказательства и эмпирической проверки правят обществом, «идеями-господами», или сверхидеями («master ideas»)²⁴. Он подчеркивает, что хотя сверхидеи не опираются на факты, сами они служат основой множеству фактов религиозной, социальной, культурной истории, которая в свою очередь изучается гуманитарными и социальными науками. В конце концов, если бы Шекспир не создал свои драмы, а Наполеон – новый европейский порядок, литературоведы и историки лишились бы важнейших предметов своих научных занятий.

Таким образом, скорее знание можно считать моментом мышления, чем наоборот. Мышление пользуется знанием, чтобы, *верно отразив мир*, тем более *уверенно его преобразовать*. Знание можно определить как *адаптивный механизм мышления*, способ его выживания в условиях практического взаимодействия с окружающим миром. Раньше считалось, что адаптация, как механизм дарвиновской эволюции, господствует в природе и определяет эволюцию видов. Ныне этот взгляд отвергается многими биологами, стоящими на позициях конструкционизма: организм не столько приспосабливается к среде, сколько сам конструирует ее, приспособляет к себе. Среда – продукт жизнедеятельности населяющих ее организмов. По мысли крупнейшего современного биолога Ричарда Левонтина, специалиста по эволюционной генетике, «следует отбросить отчужденный взгляд на организм и среду. Дело обстоит вовсе не так, что среда имеет свои независимые законы, а организмы открывают их, сталкиваются с ними и вынужденно к ним приспособляются. На самом деле разные типы среды – это последствия того, что Маркс назвал „чувственной активностью” организмов... Организмы сами построили (constructed) мир, в котором мы живем»²⁵.

Если чувственная активность организмов создает среду по их подобию, то тем более это относится к интеллектуальной деятельности, создающей по своему подобию культурную среду обитания. *Адаптация – это только средство трансформации*. Знание – адаптивный механизм, посредством которого мышление координирует себя со средой для того, чтобы тем вернее ее трансформировать, приспособить к себе. Все, что мы называем историей и культурой, и есть результат такой адаптации *действительности к мышлению*. В любом фрагменте искусственной среды, от избытки до небоскреба, от папируса до компьютера, можно увидеть проекцию мышления, систему овеществленных или означенных понятий.

С философской точки зрения знание и мышление соотносятся примерно так же, как понятия массы и энергии в физике. Когда мышление останавливается, застывает, обретает инертную массу покоя, оно становится знанием, отражающим свойства своего объекта. Напротив, распределенное знание переходит в энергию мысли, которая разрывает устойчивые, «познанные» связи явлений, по-новому сочетает понятия, отрывает их от «фактов» и обращает в фикции, которые ничему не соответствуют вне мышления, но могут найти себе последующее воплощение в общественной практике, искусстве, технике и тем самым раздвинуть границы самой действительности. Если к единицам знания применим критерий «истинно – ложно», то к единицам мышления – «продуктивно – непродуктивно», «воплотимо – невоплотимо».

Общее поле мышления и знания можно обозначить как *мыслезнание* (thinknowledge). Эта эпистемологическая категория указывает на соотношение мышления и знания как двух форм интеллектуальной деятельности и на способы их взаимоперехода.

Возьмем, к примеру, такое тривиальное утверждение:

Город Вашингтон является столицей США.

²⁴ Roszak Th. The Cult of Information. A Neo-Luddite Treatise on Hig-Tech, Artificial Intelligence, and the True Art of Thinking (1986). Berkeley et al.: University of California Press, 1994. P. 91–95, 105–107. Книга Т. Роззака, историка, известного представителя контркультуры 1960-х годов (автора «Зеленеющей Америки»), – одно из самых красноречивых выступлений против засилья «информации» и недооценки творческого мышления в компьютерный век.

²⁵ Lewontin R.C. Facts and the Factitious in Natural Sciences // Questions of Evidence. Proof, Practice, and Persuasion across the Dicipines. Ed. by J. Chandler, A. Davidson, H. Harootunian. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1994. P. 506.

Такова элементарная единица знания, относящегося к городу Вашингтон. Следует, конечно, учесть, что любое суждение включает в себя не только эксплицитное, но и имплицитное знание. В вышеприведенном примере это знание того, что такое город, столица, страна, как соотносятся между собой эти понятия. Можно обобщить вышеприведенное суждение в такой схеме:

Элемент В является центральным в системе С.

Перед нами общеизвестный факт, краткий фрагмент географического знания, и тем не менее даже из него можно «раскрутить» серию вопросов, обращенных к мысли и получающих от нее ответ. Такой процесс «выделения» мысли из знания – *смыслообразование* — напоминает бомбардировку вещества на атомарном уровне пучками заряженных и ускоренных частиц. Далее мы попытаемся передать возможные движения мысли, возникающие из рассеивания этого атомарного факта: «Вашингтон – столица США».

Переносятся ли все свойства системы С на ее центральный элемент В? Или же специфика центрального элемента состоит как раз в том, чтобы значимо отличаться от всех других элементов системы? Тем самым обнаруживается противоречие в самом понятии столицы, которая, с одной стороны, представляет собой самое характерное в своей стране, ее символ и квинтэссенцию, а с другой – именно в силу своей центральности резко отличается от всей остальной, «менее знаковой» территории. Парадокс в том, что «самое характерное» есть одновременно и «наименее характерное». Вашингтон – максимально и одновременно минимально американский город. Быть центральным, самым представительным элементом данной системы – значит вообще *не быть* ее элементом, находиться вне ее, что манифестируется особым административным статусом Вашингтона как «внештатного» города, особого «округа Колумбия».

Нужен ли вообще системе центральный элемент? Нужна ли столица государству – или оно, особенно в эпоху электронных коммуникаций, может обходиться без сосредоточения власти в одной административно-географической точке, управляясь сетевым сообществом, «роевым» разумом сограждан? Может ли политическая столица одновременно выполнять функции культурной, индустриальной, технологической столицы? Усиливает или ослабляет систему такая абсолютизация центра? В каком смысле Вашингтон является не столицей, а, наоборот, провинцией? Какие другие города США могут притязать на звание столиц и в каких отношениях? Нью-Йорк – столица архитектуры и этнического многообразия, Лос-Анджелес – столица искусств и индустрии развлечений, Бостон – столица образования, Сан-Франциско – столица электронных технологий и богемной интеллигенции... Находится ли центр тяжести современного государства в области политико-административного управления и по каким признакам другие города могут более, чем Вашингтон, претендовать на статус столиц?

Все эти мыслительные акты в форме вопросов, парадоксов, предположений и даже утопий (территория без центра власти) возникли из «реакции расщепления» одного общеизвестного факта, соединяющего два элемента, город Вашингтон и государство США. Именно перегруппировка этих элементов, раскрытие парадоксов «представительства» (государства в столице) расшевелили маленький огонек «смыслообразования» в выгоревшем очаге формального знания, ставшего географическим трюизмом. Мышление есть энергизация знания, разрыв и перестановка связей между его элементами, производство новых смыслов, «ускоренных» по сравнению с их статическим пребыванием в форме известного факта.

Знание – это овеществленное, «прошлое» мышление, как фабрики, станки и другие средства производства, в терминах экономики, есть «прошлый труд». Всегда есть опасность, что в научнообразовательных, академических учреждениях, профессионально занятых выработкой знаний, запас прошлой мысли начнет преобладать над энергией живого, «незнающего» мышления.

Основная задача научной и академической работы обычно определяется как *исследование* (research): «тщательное, систематическое, терпеливое изучение и изыскание в какой-либо области знания, предпринятое с целью открытия или установления фактов или принципов»²⁶. Исследование – важная часть научного труда, но далеко не единственная. Как уже говорилось, мышление приобретает форму знания, когда адаптирует себя к определенному предмету. Но следующим своим актом мышление распрямляет это знание, освобождает его элементы от связанности, приводит в состояние свободной игры, потенциальной сочетаемости всего со всем и тем самым конструирует ряд возможных, виртуальных предметов.

Вообще науку делают не *всезнайки*, а ученые, которые остро переживают нехватку знаний, ограниченность своего понимания вещей. Чистой воды эрудиты, которые досконально изучили свой предмет, не так уж часто вносят творческий вклад в науку, в основном ограничиваясь публикаторской, комментаторской, архивной деятельностью (безусловно, полезной). Во-первых, поскольку они знают о своем предмете почти все, им уже больше нечего к этому добавить; во-вторых, знать все можно только о каком-то очень ограниченном предмете, а большая наука требует сопряжения разных предметов и областей. Можно, например, знать все о жизни и творчестве Пастернака. Но нельзя – о пастернаковском стиле, видении, мирозерцании, о его месте в русской и мировой литературе: это проблемные области, требующие конструктивного мышления. Беда многих эрудитов в том, что они не ощущают проблемы: твердо стоят на почве своего знания и не видят рядом бездны, которую можно перейти только по мосткам концепций, мыслительных конструктов. *Наука начинается там, где кончается знание* — и начинается неизвестность, проблемность, которая осваивается только творческим мышлением. Такой взгляд на науку идет еще от Аристотеля: «Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать... недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим» («Метафизика», кн. 1, гл. 2). В идеале ученому нужно приобретать сколь можно больше сведений, но не настолько, чтобы утратить способность удивляться.

Обращаясь к конкретному содержанию научной работы, следует определять ее достоинство как мерой охваченного знания, так и мерой его претворения в мысль, точнее, *соотношением этих двух мер*. Должна ли научная работа содержать ссылки на все наличные источники? В принципе лучше давать больше ссылок. Но предпочтительнее и концептуальный охват большего материала. А когда охватываешь большой материал, тогда и ссылок на конкретные его разделы приходится меньше. Жизнь ученого коротка, а возможности науки беспредельны, вот и приходится соразмерять проработку деталей с широтой замысла.

В науке есть разные уровни и этапы работы: (1) наблюдение и собирание фактов; (2) анализ, классификация, систематизация; (3) интерпретация фактов и наблюдений, поиск значений, закономерностей, выводов; (4) генерализация и построение типологии, создание обобщающей концепции, теории или характеристики (например, данного писателя, эпохи, тенденций национальной или мировой литературы и т. д.); (5) методология разных способов анализа, интерпретации, генерализации; (6) парадигмальное мышление – осознание тех предпосылок, познавательных схем, на которых зиждется данная дисциплина или ее отдельные методы, и попытка их изменить, установить новое видение вещей (то, о чем пишет Т. Кун в «Структуре научных революций»).

²⁶ Webster's New World College Dictionary, 3rd ed. Cleveland (OH): Macmillan, 1997. P.1141.

Было бы идеально, если бы от уровня к уровню наука двигалась последовательно: нашел новые факты – дал новую интерпретацию – открыл новую парадигму. Но научные революции происходят иначе. Многие известные факты начинают просто игнорироваться, потому что мешают пониманию иных, ранее не замеченных, сам учет которых делается возможным только благодаря новой парадигме. А она в свою очередь уже меняет восприятие и ранее известных фактов – или даже сами факты! Так, по словам Т. Куна, «химики не могли просто принять [атомистическую] теорию Дальтона как очевидную, ибо много фактов в то время говорило отнюдь не в ее пользу. Больше того, даже после принятия теории они должны были биться с природой, стараясь согласовать ее с теорией... Когда это случилось, даже процентный состав хорошо известных соединений оказался иным. Данные сами изменились»²⁷.

Ограничивать научную или академическую деятельность сферой познания, т. е. накопления и умножения знаний (фактов, закономерностей, наблюдений и обобщений), – значит упускать то целое, частью которого является знание. Правильнее было бы определить задачу научных и академических учреждений не как исследование, а как *мыслезнание, интеллектуальную деятельность в форме познания и мышления*, т. е. (1) установление наличных фактов и законов и (2) производство новых понятий и идей, которые могут продуктивно использоваться в развитии цивилизации. Знание есть *информация* о наличных фактах и связях мироздания; мышление – *трансформация* этих связей, создание новых идей, которые в свою очередь могут быть претворены в предметы, свойства, возможности окружающего мира.

²⁷ Кун Т. Структура научных революций (1962). М.: АСТ, 2002. С. 178.

Структура творческого акта

Всякое мышление содержит в себе элемент творчества, поскольку добавляет нечто новое к знанию. Мыслить – это узнавать новое от самого себя. Поэтому выражение «творческое мышление» может показаться «маслом масляным». Но в мышлении есть разные уровни творчества. Собственно творческое мышление сознательно ставит перед собой задачу создания нового, небывалого²⁸.

Танец «черных лебедей»

В известной книге Нассима Талеба «Черный лебедь» (2007) описываются события, происходящие вопреки вероятности и ожиданиям и оказывающие огромное воздействие на судьбы индивидов и всего человечества. Метафорически такие события именуются «черными лебедями», поскольку последние редко встречаются в природе (само это выражение – такой же оксюморон, как и «белая ворона»). Задним числом специалисты пытаются рационализировать эти явления, вписать их в ряд закономерностей, установить причинную связь. Но каждое очередное событие – черный лебедь взрывает любую закономерность и оказывается столь же внезапным и непредвиденным, как предыдущие. Среди «черных лебедей» последнего столетия: Первая мировая война, распад Советского Союза, стремительное развитие Интернета, атака террористов 11 сентября 2001 года... Такие события нельзя ни предвидеть, ни избежать, можно лишь научиться сглаживать их негативные последствия и усиливать позитивные.

Чего Талеб не вполне учитывает в своей книге, так это ментальной природы «черных лебедей», составляющих неперенный компонент всякого творческого процесса. Каждый большой сдвиг в искусстве, философии, науке – это черный лебедь. Все революции – не только социально-политические, но и духовные, художественные, научно-технические, религиозные – это черные лебеди. Самый драгоценный продукт и капитал общества – это информация, а наибольшую информационную ценность, как известно, имеют наименее вероятные события. Единица информации – один бит – равна выбору одного из двух равновероятных событий, например, выпадению орла или решки. Но если монета встанет на ребро – что маловероятно, но не исключено полностью – то это произведет сенсацию, и емкость информации вырастет на величину, обратно пропорциональную вероятности события.

Отсюда следует, что ожидание неожиданного, готовность к удивлению, настроенность на невозможное – это самая реалистическая оценка информативного потенциала тех исторических, технических, культурных и прочих процессов, где действуют вероятностные факторы.

²⁸ Литература по теории творчества весьма обширна и в последние годы пополняется особенно быстро. Прежде всего следует указать на антологии, собрания источников – свидетельства писателей, художников, композиторов, мыслителей, ученых, психологов о процессе творчества: *Rothenberg A., Hauuman C.R.* The Creativity Question. Durham, N.C.: Duke University Press, 1976; *The Creative Process. Reflections on Inventions in the Arts and Sciences*, ed. by Brewster Ghiselin. Berkeley et al.: University of California Press, 1985; *Creators on Creating. Awakening and Cultivating the Imaginative Mind*. Ed. by F. Barron, A. Montuori, A. Barron. NY.: Penguin, 1997. Наиболее фундаментальные исследования среди вышедших ранее: *Rosamund E.M. Harding.* An Anatomy of Inspiration (1942). Routledge, 2nd edition, 1967; *Koestler A.* The Act of Creation (1964). NY., London: Arkana, Penguin Books, 1989; *Boden M.* The Creative Mind: Myths and Mechanisms. New York: Basic Books, 1991; *Csikszentmihalyi M.* Creativity. Flow and the Psychology of Discovery and Invention. NY., HarperPe-rennila, 1996. Среди новых книг интерес представляют: *Lehrer J.* I Imagine. How Creativity Works. Boston; NY. Houghton Mifflin Harcourt, 2012; *Dennett D.C.* Intuition Pumps and Other Tools for Thinking. London: Penguin Books, 2013; William B. Irvine. Aha! The Moments of Insight that Shape Our World. Oxford: Oxford University Press, 2015. Популярные изложения: *Harman W., Rheingold H.* Higher Creativity: Liberating the Unconscious for Breakthrough Insights. New York: Penguin Putnam Inc., 1984; *Judkins R.* The Art of Creative Thinking. L.: Sceptre, 2015. Мои представления об интеллектуально-творческом процессе изложены в работе «Автопортрет мысли, или Как узнать новое от самого себя». См.: *Эпштейн М.* Все эссе: В 2 т. Т. 2.: Из Америки. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 567–586. <http://old.russ.ru/krug/conden-sator/epshtein.html>

Но такие же процессы постоянно происходят в нашем сознании и деятельности. Каждая новая мысль, слово, чувство, действие – это маленькая революция в сложившейся картине мира. Озеро, где обитают черные лебеди, – воображение, область производства маловероятных или невероятных ментальных событий, которые затем становятся событиями политики, науки, техники, искусства. Какой-то элемент выделяется из существующей структуры, вступает в противоречие с ней, как ошибка, каприз, аномалия – и вслед за этим перестраивается вся система, из частички хаоса возникает новый порядок. Это и есть «черный лебедь» – *конструктивная аномалия*, момент перестройки системы, вторжения в нее разрушительно-созидательного хаоса.

Почему этого нельзя предсказать? Все предсказания основаны на тех объяснениях и причинно-следственных связях, которые сформированы в предыдущей системе (матрице). Предсказания направлены из настоящего в будущее. Объяснения, наоборот, из настоящего в прошлое. Поэтому все, что уже произошло, можно так или иначе объяснить в рамках новой системы понятий, а предсказать будущее исходя из старой системы нельзя.

Об этом писал Ю. Лотман в связи с понятием бифуркации, которое он почерпнул у И. Пригожина: «...Если *до* того, как выбор был сделан, существовала ситуация неопределенности, то *после* его осуществления складывается принципиально новая ситуация, для которой он был уже необходим, ситуация, которая для дальнейшего движения выступает как данность. Случайный *до* реализации, выбор становится детерминированным *после*»²⁹.

Почему то, что наименее предсказуемо, обладает наибольшим воздействием? Потому что оно сильнее всего отклоняется от исходных условий и законов, а значит, способно породить самый резкий поворот в ходе истории, эволюции систем. Самая редкая и большая аномалия чревата наиболее взрывным переходом к новой матрице. Как только переворот произошел, он позволяет объяснить все прошедшее. Но он невыводим из предыдущего, поскольку прежняя система не вмещает и не объясняет его, он аномален внутри нее – и становится нормой, поначалу революционной, только внутри новой системы. Нам не дано предугадывать события, происходящие вовне, – конструктивные аномалии в непрестанно творящемся мире. Но поскольку людям дано самим производить эти события, исходя из творческих потенций своего ума и воображения, можно обнаружить параллели между индивидуальным творчеством и исторической динамикой, нащупать в окружающем мире те аномалии, которые могут стать ростковыми точками событий.

Свойство жизни – пользоваться всякими ошибками, отступлениями, мутациями для перехода к новым системам. Хотя нам и не дано предугадать некое экстраординарное событие, мы можем сами его осуществить, как творческий акт. Нельзя *предвидеть*

²⁹ Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Среди мыслящих миров. СПб.: Искусство – СПб., 2001. С. 351.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.